

**Духовно значимые художественные детали
в композиции романа Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание»**

Роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского был создан в период всемирно утвердившейся идеи о возможности человеческого разума спроектировать и построить новый совершенный и справедливый мир. Идея была освоена социалистами, а затем воодушевляла классиков марксизма. Постепенно она стала распространяться в России, с особенной быстротой — в пореформенный период. Ф.М. Достоевский поставил перед собой задачу изобличить гибельность и ложность этой идеи.

Русская литература, сохранявшая связи с высокой духовно-нравственной традицией, прежде всего — со Священным Писанием, Творениями Святых Отцов, раньше других увидела надвигающуюся опасность «лжеименного возгордившегося разума». Опираясь на творения своих великих предшественников, прежде всего А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевский создал впечатляющую картину тяжких последствий изобличаемого зла в судьбе молодого человека, бывшего студента столичного университета, жившего в 60-х годах XIX века.

Один из древних некогда горделиво бросил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир». Похоже, что герой романа Родион Романович Раскольников нашел такую точку опоры и приступил к исполнению замысла.

Если поверхностному читателю может показаться, что весь смысл романа сводится к детективной фабуле и к юридическому решению вопроса о преступнике и его наказании, то пытливый ум и неравнодушное сердце с этим согласиться не может. Герой романа сознательно идет на преступление — убийство, желая именно это деяние положить в основу будущего

переустройства мироздания. Тема преступления органически связана здесь с темой более серьезной: переступания, преодоления власти неких высоких и значимых для большинства людей традиционных ценностей, поддерживающих человечество на определенном уровне развития, но, по мнению героя, тормозящих его дальнейший рост.

Мы застаем героя на стадии решения поставленной задачи. Отброшены гамлетовские вопросы, из рук выпущено Евангелие — спутник шекспировского героя. В руки взят «заклад». С ним, как на заклятие, плетется герой Достоевского на «пробу». Недешево далось ему это решение: теоретическое обоснование безобразной мечты привело его к отказу от веры. Только смутное несогласие с этим решением подтачивает его силы: «Но зачем я иду? Разве я способен на это... Так, ради фантазии сам себя тешу, игрушки!...».

Отступление во тьму

С замиранием сердца и нервной дрожью подходит Раскольников к преогромнейшему дому близ канавы. Незаметно проскакивает на лестницу, которая была темная, узкая, «черная»... Ему вся эта обстановка нравилась: в темноте темные дела замышляются и осуществляются удобнее.

Здесь, в квартире четвертого этажа, он был встречен пренеприятной старухой. Молодой человек переступил через порог в темную прихожую, а затем вошел в небольшую комнату, ярко освещенную заходящим солнцем: «И тогда... так же будет солнце светить!..» — невзначай мелькнуло в уме Раскольникова.

«В углу перед небольшим образом горела лампада. Все было очень чисто...». Писатель строит сцену «пробы» на контрасте тьмы и света. Здесь, наверное, в этой комнате, живет и молится сводная сестра старухи-процентщицы. Горящая лампада перед образом — столь дорогая русскому сердцу примета согласия, любви и семейного уюта — молодым человеком увидена вскользь, как что-то вовсе не значимое. Таков печальный итог

русского неверия, насаждавшегося упорно с конца XVIII века и проросшего в сердцах молодого поколения середины XIX века.

«Распалась связь времен» — невольно вспоминается при этом шекспировская строка. Глухой стеной отгорожен опыт нового поколения от веры и опыта русских духовных созидателей, видевших устройство мира как осуществление «пространства Слова, Слова Истины», где точкой опоры было Священное Писание и Поучение Святых Отцов. Для Елизаветы и многих русских людей опыт отцов еще не утрачен, для героя предан забвению. Однако и он не может отделаться от чувства глубокого отвращения перед задуманным своим злодейством: «На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко!..» — укоряет он себя.

С удивлением герой все чаще обнаруживает свое тайное пристрастие ко тьме, грязи, низости. Вот и сейчас, спустившись в распивочную, он усаживается в темном и грязном углу, за липким столиком — некоем паучьем углу. Там, в углу, в квартире на четвертом этаже, горит лампада перед образом, здесь, в темном углу, потребляется пиво, купленное на деньги, полученные за заклад во время «пробы». Слова, которые при этом произносит герой, — словно из современного рекламного клипа. На протяжении романа приходится сталкиваться с приметами разных времен, что кажется почти фантастическим. Только что мы слышали современную нам речь, а из углов и камор домохозяйки Липпевехзель доносится кондовая речь героев Андрея Платонова, с речевыми штампами коммуналок 20-х годов XX века. Создается впечатление, что Достоевский прикоснулся к скрытым секретам механизма времени. Герой словно не замечает того, что может вернуть его к мысли о Боге. Мила ему Сенная, но без Спасо-Успенской церкви, в извивах канавы ни разу не блеснет ему купол Никольского собора или Вознесенской церкви, ни разу не отметит он церковные названия улиц, не услышит колокольный звон и речи о церковных праздниках. Словно он гуляет по городу будущего, послереволюционному,

— с переименованными улицами, с площадями без церквей, получившему вместо своего исконного имени — имя вождя революции.

Но от Бога уйти невозможно: «Он и вверху горе и внизу долу».

В распивочной происходит знакомство Раскольников с Мармеладовым. Мерцающий свет лампы перед образом не оживил душу Раскольника. Речь Мармеладова, наполненная евангельскими реминисценциями, не оставила его равнодушным. Рассудочные теории Раскольника иссушили его сердце, а мармеладовская широта мысли раскрыла ему душу, и туда запал образ Сонечки Мармеладовой, вошла мысль об ином мире: «Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют!.. А это больней-с!».

Откуда же пришел к нам Раскольников? Из каморы, дома близ канавы. «Трудно было более опуститься и обнеряшиться»: среди всеобщего запустения на столе лежало несколько книг и тетрадей, запыленных неимоверно. У японцев есть поговорка: «Чистота от Бога, а грязь и пыль от дьявола». Учившийся исправно и старательно, Раскольников разочаровался в науке, учебный энтузиазм его угас, «он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу», а люди вызывали в нем желчь и конвульсии. Физиономии героя Достоевский уделяет много внимания: выражению лица, блеску глаз, особенно его губам, точно передающим его внутреннее состояние. При озлоблении губы героя начинают змеиться или на них появляется презрительная злобная улыбка. Порой его лицо принимает устрашающее выражение, словно сквозь него выглядывает сам бес. Три оклика было обращено к ожесточенному сердцу героя: горящая лампа у образа в комнате старухи, речи Мармеладова, наконец, письмо матери. Но — «пока он читал письмо, лицо его было мокро от слез, но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и тяжелая желчная злая улыбка змеилась по его губам».

Бедственное состояние души героя здесь обрисовано достаточно красноречиво. Не Лужин — «носитель новейших убеждений наших», был

причиною злобы Раскольникова, а скорее Дуня, жертвенно любящая его сестра. Письмо матери должно было переменить намерения героя, но оказалось наоборот. Рассказ о сестре еще более озверил его. Святые отцы-подвижники называют бесовскую брань против души человеческой, тайною: «Есть брань, в которой духи злобы втайне сражаются с душою, ибо поскольку душа невидима, то эти зложелательные силы и нападают на нее сообразно ее существу, *невидимою бранью*¹. Если вначале Раскольников принялся за исполнение своего «безобразного» деяния на основании рассудочной теории, то теперь он нашел новый повод совершить его в качестве самопожертвования ради сестры и матери.

Святые Отцы отмечают, что злой помысел, посещающий нас и несущий опасность для нашего духовного здоровья, оказывается тем действенным, чем более достигает области нашего сердца. Когда сердце сплетается с ним, возникает страсть. Страсти опасны тем, что повреждают волю человека и его рассудок до такой степени, что многие реакции и поступки человека в этом состоянии кажутся ничем не мотивированными, или, как теперь принято говорить, неадекватными. Такой и была реакция Раскольникова на письмо матери. Доброе, исполненное исключительной любовью к сыну, это письмо только подкрепляет его решимость на страшное преступление.

Раскольников не имел ни друзей, ни товарищей, его уважали, но никто не любил, «он был очень беден и как-то надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя. Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них..., как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждением, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее».

В этой характеристике героя указывается главная его особенность — надменная гордость. На основании гордости созидалась рассудочная его теория о новом переустройстве мира, а привычка свысока оценивать товарищей привела к идее о высших и низших представителях рода

человеческого и о превосходстве и вседозволенности для высших. Святые Отцы, классифицируя наши духовные помыслы, выделяют среди них особенно продолжительные помыслы, как наиболее тяжелые и убийственные. Их называют искушающими по преимуществу, исходят они не от природы, а всегда от врага. Именно эти губительные помыслы, как змеи, день за днем нашептывают герою идею о своем превосходстве над людьми. Мысли о задуманном деле не выходили из его ума, становились мучительными, неотступными.

В один из дней, в этом болезненно-лихорадочном состоянии, Раскольников добирается до Васильевского острова, где засыпает и видит вещий сон об изведении «бедной лошадки». Сон этот символически воспроизводит ту незримую духовную брань, которая происходит в его душе с безжалостными и губительными для его существа помыслами и страстями. «Он проснулся весь в поту... И приподнялся в ужасе,... какой безобразный сон!». Все тело его было, как бы разбито, смутно и темно на душе». Только сейчас с воплем обращается он к Богу: «Боже, — воскликнул он, — да неужели ж я, в самом деле, возьму топор...» Наступила минута отрезвления и умиротворения: «Он уже почувствовал, что сбросил с себя это страшное бремя, давившее его уже так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно. «Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей». Молитва подкрепила его душевные силы. «Проходя через Т-в мост, он тихо и спокойно смотрел на Неву, на яркий закат яркого красного солнца».

Петербургские мосты — чудо технического гения, сколь часто мы встречаем их на протяжении романа! Через их посредство писатель показывает меру взлета или падения души героя, приоткрывая самые сокровенные ее тайники. Так и в этой сцене на Тучковом мосту, представляющем прекрасную панораму Васильевского острова, Петроградской стороны, Раскольников чувствует, что «точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода. Он

свободен теперь от этих чар, колдовства, обаяния, от наваждения!» Раскольникову кажется, что он навсегда преодолел над собой власть губительных помыслов и страстей, которые мучили его все прошедшие дни и годы. В этой связи надо отметить и изображение воды, водной стихии в романе Достоевского: рек, каналов, пересекающих городское пространство, льющихся потоков воды, ручьев, дождей и гроз. Через описание воды писатель раскрывает внутреннее состояние героя. Вода оказывается враждебной, мутной, темной, влекущей к гибели в минуты отчаяния, а может быть светлой, прозрачной, тихой и мирной, как и в этой сцене душевного успокоения героя. Однако ненадолго наступило это умиротворение. Душа героя еще не утратила свои здоровые силы, но кратковременное вдохновение и минутная молитва не могут дать ему силы, достаточные для победы. Нужны неустанные труды для полного исцеления, но на них-то у героя уже не осталось времени. Слишком большую власть возымели над его душой смутные силы. Они вскоре напоминают ему о его «мечте», посылают ему нужные встречи и возможности для осуществления страшного деяния. Какая-то неведомая сила возвращает Раскольникова от прекрасной панорамы в привычную стихию извилистой канавы, как нарочно напоминающей извивы древней змеи в этом районе города. Грязная, зловонная, почти стоячая вода олицетворяет стихию углебания, затягивающую отяжелевшую во грехах душу: «Из глубины воззвав к Тебе, Господи...» — само вырывается из груди грешника это библийское зывание о помощи. Здесь, на Сенной, герой получает новый импульс к исполнению «безобразного» решения. Он видит Елизавету, сестру старухи-процентщицы, и узнает точный час, когда старуха будет в квартире одна.

Мистику подобных откровений, неслучайных деталей, особенно впечатляюще сумел изобразить Пушкин при описании обстоятельств, связанных со смертью старухи-графини в «Пиковой даме». Имя Елизаветы Достоевским использовано неслучайно, чтобы подчеркнуть родственность судеб героев двух произведений. В подобных обстоятельствах и

Раскольников «всем существом вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли, что все вдруг решено окончательно» — все предопределено. Достоевский часто использует в своем лексиконе слово «вдруг», которое подчеркивает значимость и неожиданность происходящего, а также служит сигналом для привлечения особого внимания читателя. В приведенной выше короткой фразе это слово упомянуто дважды.

Как и пушкинский Герман, Раскольников в последнее время стал суеверен. «Во всем этом деле он всегда потом склонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как бы присутствие каких-то особых влияний и совпадений». Точнее сказать, влияние особых незримых сил, участвующих в невидимой брани за душу человеческую. Обычно такие суеверия являются как бы косвенным доказательством реального существования этих невидимых сил, присутствующих в некоторых наших обстоятельствах. Вот как это делает Достоевский. Раскольников входит в некий плохонький трактиришко, спросивши чаю, крепко задумывается: «Странная мысль наклевывалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень занимала его». Вдруг он слышит, что сидящий за соседним столиком студент рассказывает своему собеседнику-офицеру про процентщицу (ситуация совсем схожая с бедным пушкинским героем) и сообщает ему ее адрес. Это одно уже показалось Раскольникову как-то странным... «Случайность... но он не может отвязаться теперь от одного весьма необыкновенного впечатления, а тут как раз ему как будто кто-то подслуживается: студент вдруг начинает сообщать офицеру об этой Алене Ивановне разные подробности».

Действительно, какие-то силы организовали Раскольникову эту встречу, при которой он слышит из уст незнакомого студента собственные мысли, облеченные в знакомые слова, мучающие его долгое время. Из этого разговора он узнает о значительных деньгах, имеющихся у старухи, которые завещаны в один монастырь N-й губернии на вечный помин души. «Это же тысячи молодых судеб можно поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь!» Какое прельстительное социальное служение открывается

будущему преступному благодетелю! Сразу два импульса получает углебающая в преступных помыслах душа Раскольникова: о долге — извлечь деньги, обреченные в монастырь, — обязанность безбожника (сколько было этих экспроприаторов в XX веке на Руси!); о высоком призвании героя в исполнении будущего переустройства человечества. Один импульс — губительный для бессмертной души героя, другой — поддерживающий его горделивый помысел — таков механизм, приводящий его «безобразный» замысел в исполнение.

Раскольников был в чрезвычайном волнении: «Почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. странным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожный трактирный разговор имел на него чрезвычайное влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...». Он лежал без движения, ничком, уткнув лицо в подушку. Эта поза три раза встречается в романе, и она как бы связана с определением душевного состояния. Так лежат Раскольников, которому грезится Ближний Восток; утопленница, сбросившаяся с моста в воду канавы; Соня Мармеладова, сокрушенная вестью о преступлении Раскольникова. В указанной сцене Раскольникову грезится, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе... «И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку...» Он все пьет эту воду и, такое впечатление, что перед страшным испытанием, которое ждет героя, душа его, странствующая в житейской пустыне, пытается напиться живительной влагой, чтобы преодолеть опасное, гибельное для нее испытание. Минутная передышка прервана боем часов. Пришел час преступления...

Вот уже приготовлено все. Раскольников сходит вниз своими тринадцатью ступенями (!)... осталось украсть топор. Кстати, почему топор?

Ведь был складной садовый ножик. Раскольников это объясняет тем, что был слаб. Однако не он выбирал оружие. Тот, кто вел его на дело, уже знал: там будет кроме старухи еще и Елизавета — для нее и топор.

Топор — оружие крестьянина, дровосека.

Топор — оружие созидания.

Топор — оружие воина и защитника.

Топор — оружие царя-плотника, созидателя Империи, флота Российского и столицы.

Как все мироздание — все стороны обиходного предмета — топора — осквернены преступлением.

Уже на каторге над его топором будут смеяться. Но у него это серьезно. «К топору зовите Русь!» К оружию мести, смерти; грабежа и разрушения призывали временники Раскольникова. Топор здесь оружие принципиальное. Только он принесет столько крови при совершении преступления. А кровь указывает на то, что совершается жертвоприношение.

Выходя из дома, герой морально был готов к исполнению своего деяния: «Казуистика его выточилась, как бритва, и сам в себе он уже не находил сознательных возражений». Многое происходящее в романе мы можем истолковать в контексте первородного греха. Грехопадение подчинило человека всецело враждебной власти губителя рода человеческого. Вот и герой отмечает: «последний день... подействовал на него почти механически: как будто его кто взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой. Без возражений. Точно он попал ключком одежды в колесо машины и его начало в нее втягивать». «Коготок увяз — всей птичке пропасть», — говорит русская пословица.

Раскольников и сам не хотел остановиться: когда последовала неудача с Настасьиным топором, он не обрадовался этому, как обретению свободы от своего страшного замысла, но в нем вскипела тупая зверская злоба, ему все стало противно. Это говорит о том, что власть замысла преступления определяла всю его жизнь в последнее время и подчинила его себе всецело.

Следуя к месту преступления, Раскольников пытается отвлечься от ужаса задуманного, проходя близ Юсупова сада, он строит проекты о фонтанах, об озеленении города. Здесь снова слышим мы упоминание о чистой воде, что в контексте романа означает духовное просветление. Но вскоре он от этого отмахивается. Жест, характерный для Раскольникова в моменты страшной решимости. Будто отмашка: пли! Душа посылается на распыл.

«Много раз он спрашивал себя: откуда он взял столько хитрости, тем более, что ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти не чувствовал на себе». Все делалось как бы без его участия, помимо его воли, само собой — наставником был отец лжи. И был прекрасный закат, и горела лампадка у образа в углу, а он при этих немых свидетелях свершал свое страшное злодеяние. Это похоже не на убийство, а на погром, где он уничтожал все святое и осквернял мироздание. Поэтому все мироздание и станет его обличителем, против него свидетелем: «Муха летала, она видела!». Злодеяние усугубилось, когда пришла Елизавета, и он убил ее, ударив острием топора по голове. Убил, наверное, как «всегда беременную, на все согласную» — по словам студента. Евангелие от Луки, любимое чтение нашего православного народа на Богородичных молениях, говорит: «Егда услыша Елисавет целование Мариино, възграся младенец во чреве ея» (Лк. 1,41). Здесь вместо целования был удар топором, а младенец во чреве обречен на смерть вместе с матерью.

Раскольников будет долго терзаться вопросом, почему не получилось из этого деяния того, что он ожидал. Но надо понимать, что силы, приведшие его к топору, ставили свои цели, а вовсе не его. Миропорядок, который он задумывал, прокатили потом погромами по России: по монастырям и церквям, по городам и весям; погром войдет в души людей, сделает их безумными и страшными, звероподобными. Этим цель темных сил будет достигнута.

Святые Отцы свидетельствуют, что «не довольствуясь тайными своими деяниями, и, желая совершенно скрыть от взора неопытных сокровенные свои наваждения, лукавые демоны хитро придумали внушить возгордившимся в своих помышлениях изуверскую мысль: отвергнуть, как когда-то древние саддукеи, самое бытие бесов» (Деян. 23,8).

Еще до того, как посетители убитой старухи в назначенный час хотели переступить порог ее квартиры, уже совсем иные силы оказались в ней. Пока теплилась лампада и лилась молитва у образа, молилась Лизавета со своей сестрой, места этим существам в квартире не было. После учиненного погрома бесам дано раздолье. Раскольников, стоящий за дверью, слышит речи и шаги чертыхающихся посетителей, затем бряканье крюка и звон колокольчика, но улавливает спиной вакханалию торжествующих бесов. Его душа между двух огней: ужас от тех, кто за дверью, страх от тех, кто позади него. Все это составляет какофонию звуков и ощущений, которые легко приводят человека к сумасшествию. Вокруг Раскольникова кружат видимые и невидимые враги, люди не говорят, а чертыхаются: эта сторона ощущений героя особенно будет показана при третьем посещении квартиры; недаром проницательный опытный следователь Порфирий Петрович упрекал Раскольникова за пристрастие к «острым» ощущениям после этого посещения.

Еще до совершения преступления Раскольников задавался мыслью: «Почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления и так явно обозначаются следы всех преступников?»

Дело в том, что незримые силы, приведшие человека к преступлению, озабочены, прежде всего, душепагубной стороной происшедшего злодеяния. Их цель — окунуть падшего человека в стихию гибели, не дать ему выбраться, лишить возможности покаяния и возвращения на путь спасения. Обычно вместо всего этого преступно находится в лихорадочной деятельности по сокрытию улик. Его занимает только она мысль: «как утопить? где зарыть или запрятать в место поглубже» награбленное? Но вот,

«выходя с В-го проспекта на площадь, он вдруг увидел вход налево во двор, обставленный совершенно глухими стенами». Некую щель, словно топорный проруб в городском пейзаже: с одной стороны каменная стена, с другой деревянный забор. В образной системе Достоевского щель обычно скрывает нечто постыдное, какую-то скверную улику. В щели часто совершают у него самовольные жертвоприношения — самоубийства. Здесь Раскольников прячет выкраденные у старухи вещи, которые должны были пойти на благоустройство монастыря, а может быть — и на строительство новой церкви. Деньги эти могли быть направляемы в монастырь по обоюдному согласию с Лизаветой. Кража церковных денег, даже без кровопролития, всегда на Руси была презренным и даже кощунственным деянием.

Оглядевшись по сторонам, у самой наружной стены между воротами и желобом, где все расстояние было шириной в аршин, Раскольников вдруг заметил большой неотесанный камень в полтора пуда, прилежавший прямо к каменной стене. Сама щель, пространство с аршин шириной (о нем еще пойдет речь ниже) и, наконец, камень несут значимую символику: камень, от которого отказались строители, напоминает цитату из Евангелия (Мк. 12,10-11) и символизирует истинную веру — он становится предметом поругания; лежащие под камнем краденные средства, изъятые в результате кровопролития — все это зримый образ «мерзости запустения», упоминаемой в Апокалипсисе.

Камень — прообраз души героя, окаменевшей во грехе. Это напоминание о сорокадневном посте и искушении Господа нашего в пустыне (Лк. 4,3-4), после принятия крещения Иоаннова, когда сатана предлагает Ему превратить камни в хлебы, отказываясь тем самым от Бога, закладывая (слово «заклад» не раз фигурирует в тексте романа и, безусловно, подразумевает этот евангельский подтекст) душу свою сатане.

Сколько посулов было сделано, но для исполнения каждого требовалось: «Если Ты поклонись мне, то все будет Твое» (Лк. 4,7). Наклонившись (поклонившись), Раскольников сдвигает камень, и в яму летят

драгоценности, деньги. Камень возвращается на свое место. Так кончаются все благотворительные и социальные программы героя.

«Он нагнулся к камню» — движение значимое в контексте Евангелия от Луки. Можно осмыслить камень в контексте Евангелия от Иоанна — камень надгробный, мы с ним встретимся в сцене чтения о воскресении Лазаря. Пока душа героя будет томиться, сокрытая в темнице («Где будут сокровища ваши, там будет и сердце ваше»). Мерзким бесовским хохотом героя кончается все действие вокруг камня. Такое впечатление, что герой постоянно общается с невидимой черной силой, беспричинно чертыхаясь. Его переполняет тотальное отвращение ко всем и всему — проявление иступленной гордыни, непреодолимая злость. По возвращении от Разумихина, Раскольников вступает на Николаевский мост. Переполненный своими чувствами, он возвращается к реальности, получив удар от кучера проезжавшей мимо коляски. В это мгновение он почувствовал, как кто-то сует ему в руку деньги: «Приими, батюшка, ради Христа» — двугривенный. На протяжении основного текста романа имя Иисуса Христа встречается не чаще трех раз, но ни разу самим героем Он не упоминается как Сын Божий, ибо это не укладывается в его богоборческое мировосприятие.

Чистотой и свежестью веет от этой страницы романа. Великолепная панорама Невы, открывающаяся с моста, впервые упоминается чистый воздух (ранее говорилось лишь о воню, духоте, спертости воздуха), красота храма...

Однако «необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы, духом немой и глухим была полна для него эта пышная картина». В Евангелии не раз свидетельствуется о власти Иисуса над духами, затворяющими уши и речь. В Евангелии от Марка (7,31-37) читаем о таком чуде при прохождении через пределы Десятиградия: «Возрев на небо, вздохнул и сказал ему (немому и глухому — Н.Е.): Еффафа! т.е. отверзись. И тот же час отверзся у него слух, и разрешились узды его языка, и стал говорить чисто». Немота и глухота являются проявлением нечистого духа.

Здесь же на мосту Раскольников испытывает ощущение человека, поддавшегося воле нечистого существа, вознесшего его на некое воскрылие: «В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь все прежнее прошлое, и прежние мысли, и прежние задачи... И вся эта панорама, и он сам, и все-все... Казалось, он летел куда-то вверх, и все это исчезало в глазах его». Стоя на мосту, Раскольников испытывает предощущение власти над всем миром (Лк. 4,5-7). И в это мгновение он ощущает в своей руке двугривенный, именем Спасителя поданный ему. Он размахивается и бросает монету в воду — совершая жест отречения. «Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал сам себя от всех и всего в эту минуту», от самой Жизни.*

Мытарства во тьме

Весь дрожа, как загнанная лошадь (напоминание о вещем сне), вернулся в этот день Раскольников домой и тотчас забылся. Однако поспать ему не удалось. Он очнулся в полные сумерки от ужасного крику. «Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и ругательств он никогда еще не слыхивал и не видывал. Он и вообразить не мог себе такого зверства, такого исступления». Это он, с еще недавно испытанной им высоты на мосту, словно низринутся в ад. «Что это, свет перевернулся, что ли? Страх, как лед, обложил его душу, замучил его» душу приваленным камнем. Он «упал на диван» и «пролежал с полчаса в таком страдании, в таком нестерпимом ощущении безграничного ужаса, какого еще никогда не испытывал». Так бесы испытывали своего нового «властелина». Шекспировский герой в «Гамлете» устроил сценическое представление, «мышеловку», чтобы уловить в нее совесть короля-убийцы.

* Словно желая особо подчеркнуть степень разрыва, Достоевский эту сцену создает на Николаевском мосту — на одном из редких в то время разводном мосту. Бездна, пропасть образующаяся при разведении двух половин моста — впечатляющая дополнительная деталь к содержанию сцены.

Здесь же силами бесовской братии спектакль был дан убийце Раскольникову. Неожиданным участником «представления» оказалась Настасья, хозяйкина стряпуха².

«— Это кровь, — отвечала она, наконец, тихо, как будто про себя говоря.

— Я сам слышал... — еще робче проговорил он.

— Никто не приходил. А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выхода нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнется мерещиться...»

Настасья все еще стояла над ним, пристально глядя на него и не уходя. Гордец Раскольников был повержен. После глотка воды наступило беспамятство. «Царство дьявола, — говорит митрополит Филарет, святитель Московский, — или иначе ад и самый огонь геенский — еще не в полноте, но в начатке есть внутри человека, когда живет в нем грех³».

Только слегка очнувшись, подозревая всех и вся, Раскольников замышляет «Лучше совсем бежать, далеко... в Америку и наплевать на них!» С кем бежать? Со Свидригайловым? Почему в Америку? Далеко, да не убежишь, даже от Порфирия-то не убежишь...

Мытарства Раскольникова оказались самыми разнообразными: от ужасов первой ночи до безобидных рассказней Разумихина: «Лицо его... было чрезвычайно бледно и выражало необыкновенное страдание, как будто он только что перенес мучительную операцию или выпустили его сейчас из-под пытки».

Встреча с Лужиным и родными, кончившаяся скандалом, вовсе вывела Раскольникова из себя: «Оставьте меня все! — в исступлении вскричал он. — Да оставите ли меня, наконец, мучители! Я вас не боюсь! Я теперь никого не боюсь! Прочь от меня! Я один хочу быть, один, один, один!». Один на самой высоте «пространства в аршин величиной». Он уже стал путать людей с бесами, которые безжалостно эксплуатируют раздражительную силу его души, и он мучается, как в аду, телесно и душевно.

Одновременно внутренняя мятежность сочетается у него с каменной утяжеленностью. Зосимов верно отметил: «Давеча он был в силах... знаешь, у него что-то есть на уме! Что-то неподвижное, тяготеющее...».

Поразительно, сколько сил придала ему страсть! Казалось, только что всех изгонял в исступлении. Вдруг стал совершенно спокоен, ни полоумного бреда, ни панического страха, как во все последнее время. «Это была первая минута какого-то странного внезапного спокойствия. Движения его были точны и ясны, в них проглядывало твердое намерение: «сегодня же, сегодня же!...» — бормотал он про себя. Он понимал..., что еще слаб, но сильнейшее душевное напряжение, дошедшее до спокойствия, до неподвижной идеи, придавало ему сил и самоуверенности». «...Все это надо кончить сегодня же... сейчас же; домой он иначе не воротится, потому что не хочет так жить». «Он не знал, как кончить, он только чувствовал и знал, что надо, чтобы все переменялось, так или эдак, «хоть как бы то ни было», — повторял он с отчаянною неподвижною самоуверенностью и решимостью».

Раскольников выходит на «поиски во тьме» почти на ощупь, приодевшись, будто на какое-то странное свидание. Начинается этот поиск с обычных привычных витков. По старой привычке, обыкновенным путем своих прежних прогулок, он прямо отправился на Сенную. «В последнее время его даже тянуло шляться по всем этим местам, когда тошно становилось, «чтоб еще тошнее было». Теперь же он вышел ни о чем не думая». В этой-то весело-невеселой обстановке пришла Раскольникову мысль, где-то он читал: один приговоренный за час до смерти думает: «Если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на узенькой такой площадке, чтоб только две ноги можно было поставить, а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря, — и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, — то лучше так жить, чем сейчас умирать. Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить... Экая правда! Господи, какая правда!

Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлецом называет», — прибавил он через минуту».

Эти панорамные картины, эти удивительные переходы от широты панорамы (с мостов, например) к столь же непредставимому сужению до «аршина», до пяточка, до точки; эти представления о вечности, откровения об одиночестве и страх перед ним, все это удивительно сочетается в композиции романа, в сознании героя, в его ощущениях.

Чем разбередить опустошенную душу?⁴ Хождением по порочным кругам Дантова ада? Куражом в трактире? Или возвращением к месту преступления? После проведенного с Хаметовым разговора «на острие ножа» в «Хрустальном дворце», казалось бы, одно только слово и ясное признание сняло бы его напряжение, но этого не происходит. У него появляется странное желание продлить свое мучительное состояние «острыми» ощущениями. Он, как механизм, нуждается в подзаводке, толчке. «Силы его возбуждались и приходили теперь вдруг, с первым толчком, с первым раздражающим ощущением и так же быстро ослабевали, по мере того как ослабевало ощущение». Духовный распад сочетается у него и с распадом связей с людьми: разговор с Разумихиным «он начал спокойно, заранее радуясь всему яду, который готовился вылить, а кончил, в исступлении и задыхаясь... Отстаньте, отстаньте!». Рассерженный Разумихин пытается обличить его: «Первое дело у вас, во всех обстоятельствах — как бы на человека не походить!» И здесь Разумихин прав. Действительно, Раскольников делает все, чтобы стать не человеком.

В третий раз Раскольников оказывается на мосту. На мосту с Раскольниковым происходит нечто необыкновенное. Он добрался сюда из последних сил. Облокотившись на перила, он склонился над водою и машинально смотрел на последний розовый отблеск заката, на темную воду канавы, и, казалось, со вниманием всматривался в нее. В это мгновение он ощутил, как все завертелось и заплясало кругом (нечто подобное гипнотическому состоянию). «Вдруг он вздрогнул, может быть спасенный

вновь от обморока одним диким и безобразным видением. Он почувствовал, что кто-то стал подле него, справа, рядом; он взглянул — и увидел женщину, высокую, с платком на голове, с желтым, продолговатым, испитым лицом и красноватыми впавшими глазами». Вся эта сцена носит характер полуреальности, под воздействием световых и прочих средств герой оказывается как будто в некоем «зазеркалье». Он оказывается невидимым для готовящейся к прыжку утопленницы, но одновременно сам отделен незримой прозрачной средой от нее. Не сама ли душа Раскольникова — утопленница, как во сне — засеченная лошаденка? Здесь измученная его душа какими-то мужскими движениями перекидывается через перила. Переступает последнюю черту. Сам он остается на мосту, а она поплыла в знакомой нам уже позе ничком, лицом вниз, окончательно не уходя под воду.* Вокруг слышались крики людей, чертыханье, как в аду. «Раскольников смотрел на все со странным ощущением равнодушия и безучастности». Такое разделение происходит в состоянии клинической смерти и люди, прошедшие через нее, свидетельствуют об этом удивительном разделении души и тела, когда все вокруг видится как бы со стороны: тело на одре, а душа витает над ним. «Нет гадко... вода... не стоит, — бормотал он про себя. Ничего не будет, — прибавил он, — нечего ждать...». Он оборотился спиной к перилам и поглядел кругом». А в это время душа его медленно дрейфовала мимо, в сторону... квартиры Сонечки Мармеладовой. Придет день и час, и она «вплывет» в комнату ее, чтобы снова вернуться к нему.

*Бездна бездну призывает. Бытует в речи как пословица в значении: «Одно зло притягивает другое», близкое по смыслу выражение: беда не приходит одна («беда за бедою идут»). Псампонец, стоя у горы Цаар, у водопадов в верховьях Иордана, вспоминает дни бедствий, когда «слезы были для него хлебом день и ночь» (Пс. 41:4). Воспоминания эти он облекает в поэтическую форму: «Унывает во мне душа моя; посему я вспоминаю о Тебе

с земли Иорданской, с Ермона. Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» (ст. 7 — 8).

В образной системе библейского Текста «бездна» нередко означает ад, преисподнюю, а быть покрытым водами, быть в глубине их (Свидригайлов под дождем) — означает страдать. В таком качестве эти понятия встречаются в Псалтири: «Спаси меня, Боже; ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте, и на чем (на мосту Р-в едва стоит); вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня. Я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога моего.

Пророк Иона, за грех неверия и непослушания ввергнутый Господом в глубину вод, в скорби говорит: «Объеми меня водою до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя. До основания гор я нискал, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада (Иона 1: 6-7). О пребывании Ионы в бездне, во чреве кита, три дня и три ночи вспоминает Иисус Христос, предвещая Свою смерть и Воскресение через три дня (см. Мф. 12: 39-41) (Н. Николаюк. Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник. СПб., «Светлячок», 1998, с. 37).

Тема «мертвых душ», с легкой руки А.С. Пушкина вошедшая в русскую литературу и воплощенная в бессмертном произведении Николая Васильевича Гоголя, у Ф.М. Достоевского получила новое художественное развитие. Писатель раскрывает генезис этого явления, и сцена на мосту является вкладом в развитие этой темы.

«Ну и что ж! И, пожалуй — проговорил он решительно, двинулся с моста и направился в ту сторону, где была контора». Автор описывает внутреннее состояние героя: «сердце его было пусто и глухо» (как на Николаевском мосту «духом немым и глухим» полна душа). «Мыслить он не хотел. Даже тоска прошла, ни следа давешней энергии, когда он из дому вышел с тем, «чтобы все кончить!», полная апатия заступила ее место». Наступило состояние почти полной богооставленности. «Что ж это исход! — думал он, тихо и вяло идя по набережной. — Все-таки кончу, потому что хочу... исход ли, однако? А все равно! Аршин пространства будет, — произнес он, чертыхаясь». Под словом «исход» Раскольников подразумевает окончание своих мытарств во тьме, связывая это с юридическим признанием своей вины. Но для христианина слово «исход» означает Пасху, победу над смертью, над смертью духовной, силою Божества. Раскольников пока всего этого не приемлет. Ноги несут его совсем в другом направлении. Страшно знакомое место! «Вдруг как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидал, что стоит у того дома, у самых ворот». Вот и четвертый этаж: «ему представлялось почему-то, что он все встретит точно так же, как оставил тогда, даже, может быть, трупы на тех же местах на полу». Оскверненное место, не очищенное молитвой, сохраняет на себе печать зла, совершенного здесь. Этими миазмами питается низменная часть падшей души. Квартира опустошена, как и душа Раскольникова. В углу, в комнате старухи, на обоях обозначилось место, где стоял большой киот с образами. Это след его кощунственного погрома. Сидя на подоконнике в комнате, где он совершил убийство, он задает свой страшный вопрос: «Пол-то вымыли, красить будут? Крови-то нет? — Какой крови? — А старуху-то вот убили с

сестрой. Тут целая лужа была. — Да что ты за человек? — А тебе хочется знать?... Пойдем в контору, там скажу».

В первом разговоре с Мармеладовым в распивочной Раскольников слышит знакомые по Евангелию от Иоанна слова: «Се Человек!» В Евангелии эти слова произносит Понтийский Пилат, выходя из претории к обезумевшей толпе. Кого-то поведут в контору люди из дворницкой? Человека или разбойника? Впереди его ждет перекресток, распутие, распятие? «Так идти, что ли, или нет?» — думает он. После разговоров в подворотне, «становясь посреди мостовой на перекрестке и осматриваясь кругом, как будто ожидая от кого-то последнего слова. Но ничто не отозвалось ниоткуда; все было глухо и мертво (Николаевский мост! — Н.Е.) как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него одного». Омертвевшая душа обустроивает вокруг себя мертвую стихию, холодную и немую, как могила.

Временами кажется, что Раскольников привыкает к своему хождению по мытарствам. После смерти Мармеладова повстречавшись с квартальным начальником Никодимом Фомичом, невзначай заметившим Раскольникову: «А как вы, однако, кровью замочились», — тот дерзко отвечает: «Да, замочился... Я весь в крови! — проговорил он с каким-то особенным видом». Спускаясь по той же лестнице после встречи с квартальным, Раскольников видит священника, которого пропустил вперед, разменявшись с ним безмолвным поклоном. Казалось бы, тень самого Христа прошла мимо преступника, оставшись незамеченной. Дивная встреча ждет его на этой лестнице и разговор с Полечкой, полной чистоты, наивности и искренности. Лестница Иакова, лестница преподобного Иоанна Лествичника, лестница жизни (жаль только, что герой спускается, а не поднимается по ней...) вспоминается при взгляде на эту встречу на ее ступенях. При этой встрече с Полечкой он как будто возвращается в свое чистое детство, к своей наивной вере, но при этом остается верен своей теперешней ядовитости: «А раба-то Родиона попросил, однако, помянуть, — ну да это на всякий случай! —

прибавил он, и сам тут же засмеялся над своей мальчишеской выходкой». Характерным для него стал теперь какой-то часто неуместный и пренеприятный смех, не Гоголевский. Сходя с той лестницы, Раскольников оказался полон «одного необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение». Раздувается как надувной шарик... Ложный прилив.

Снова Раскольников на мосту, ровно на том месте, где сбросилась утопленница. Мост, как бы отделяющий пространство между небом и землей, — искусственное небо. Небо по Библии названо «твердь». Над узкой канавой мост делается горбатым, в форме полуокружности, лука.*

Как часто молимся мы в молитве «Отче наш»: «...но избави нас от лукавого». С горбатого, как бы лукавого моста, Раскольников произносит свою лукавую тираду. «Довольно! — произнес он решительно и торжественно, — прочь миражи, прочь напускные страсти, прочь привидения... Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла еще моя жизнь вместе со старою старухой!⁵ Царство ей небесное и — довольно, матушка, пора на покой! Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы... и посмотрим теперь! Померяемся теперь! — прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то темной силе и вызывая ее».

Продолжая рассматривать происходящее в контексте грехопадения Адама, мы можем на примере судьбы Раскольникова проследить исполнение змеиного обетования... «Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5-7). Лукавый сатана на горбатом, как бы лукавом, мосту нашептывал Раскольникову пустые, горделивые и лукавые слова торжества «лжеименного разума».

* Псалий о луке — образе лукавой мысли, простреливающим, сердце человека, убивающей душу и умертвляющий мысль.

Раскольников был в превосходнейшем расположении духа, но как это быстро оказалось обманчивым; он сознался себе, что «слишком поспешил с заключением». Сколько еще будет этих мостов, балконов и прочих искусственных возвышений, трибун; сколько вещало в XX веке ораторов, рисовавших и призывавших в близкие и далекие дали. Лопались их лукавые словеса, как мыльные пузыри, и все это уходило, как в мираже.⁶

Как после долгого плавания в житейском море возвращается Раскольников в свою камору. Мать и сестра бросились к нему «Но он стоял как мертвый; невыносимое внезапное сознание ударило в него как громом. Да и руки его не поднимались обнять их, не могли». Между ними возникла непроходимая пропасть, возникла стена.

Как прообразом смерти заканчивается эта глава и II часть романа — обмороком Раскольникова.

Ч. III, гл. 1 открывается образами женщин, которые в произведениях Достоевского являются носителями многих лучших человеческих качеств. Разумихин в порыве называет сестру Раскольникова Авдотью Романовну «источником доброты, чистоты, разума и совершенства». Пульхерия Александровна называет ее в своем письме Раскольникову: «она ангел».

Кто же были эти «твари дрожащие», которых Раскольников силой намерен брать в руки? Мать его, Пульхерия Александровна, «была чувствительна, впрочем, не до приторности, робка и уступчива, но до известной черты. Она многое могла уступить, на многое могла согласиться, даже из того, что противоречило ее убеждениям, но всегда была такая черта честности, правил и крайних убеждений, за которую никакие обстоятельства не могли заставить ее переступить». В этой краткой характеристике мать Раскольникова выступает как своего рода личность героическая, но именно таких людей Раскольников зачисляет в состав обыкновенных, над которыми он хочет приобрести свою власть. Между тем, эти люди являются носителями духовно-нравственных ценностей, за которые они готовы голову сложить.

Преодолевая болезнь, Раскольников снаружи походил как бы на раненого человека или на вытерпывающего какую-нибудь сильную физическую боль... Во взгляде, вместо прежней тоскливой рассеянности, явилось более сосредоточенной муки. «Свет померк скоро, но мука осталась». Это уже проявление духовной боли, глубоко внедрившейся во все его существо.

Пугающе неожиданно возникает тема крови. Раскольников забыл сказать Настасье, чтобы она замыла кровь на его одежде, которую он запачкал во время перенесения Мармеладова с улицы.

«Кровь! Какую кровь? — встревожилась Пульхерия Александровна. — Это так...не беспокойтесь. Это кровь от того, что вчера я шатался несколько в бреду и наткнулся на одного раздавленного человека».

Что бы сказала бедная Пульхерия Александровна, узнав о другой крови, несмываемой с ее сына, о его преступлении?

Зосимов в разговоре в кругу семьи Раскольникова замечает: «Все мы почти как помешанные, с малой разницей, что больные несколько больше нашего помешаны, потому тут необходимо различать черту. А гармоничного человека, это правда, почти совсем нет».

Раскольников заметил сестре: «что ж и похвально; тебе же лучше... и дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее — несчастна будешь, а перешагнешь — может еще несчастней будешь».

«При разговоре с матерью появилось опять недавнее ужасное ощущение, мертвым холодом прошло по душе его... «Никогда теперь не придется ему, не об чем больше и ни с кем нельзя ему теперь говорить». Впечатление от этой мысли было так сильно, что он на мгновение даже совсем почти забылся».

На вопрос — любит ли он умершую дочь хозяйки, Раскольников отвечает: «Нет. Это все теперь точно на том свете и так давно. Да и все-то кругом точно не здесь делается... Вот и на вас... точно из-за тысячи верст смотрю».

Продолжающееся омертвление души Раскольникова приводит его к ощущению нарастающей пропасти между ним и самыми близкими для него людьми. Такое впечатление, точно он смотрит в бинокль, перевернув, его наоборот. Оптическое сопоставление дает возможность вникнуть в его духовное состояние тотального одиночества, вынужденной немоты и душевной глухоты. Создается впечатление прижизненной смерти. Недаром мать Раскольникова обратила внимание на сходство его каморы с гробом. На это ее замечание Раскольников бросает: «Да, квартира много способствовала...» Среди семейной беседы появляется Соня, которая пришла пригласить Раскольникова на похороны. Она была чрезвычайно смущена встречей с родственниками Раскольникова, но одновременно с удивлением заметила его внезапно просветлевшее лицо. Он пристально вглядывался в нее: «Весь рассказ о ней покойного отца ее пронесся в эту минуту в его памяти». На Соню эта встреча произвела сильное впечатление: «Никогда она не ощущала ничего подобного. Целый новый мир неведомо и смутно сошел в ее душу». В отличие от Раскольникова, Сонечка восприняла его родственников в широту своей души, и это было началом любви.

После разговора с Разумихиным Раскольников решает пойти к Порфирию Петровичу. При этом он обдумывает, как это лучше сделать, какую сцену разыграть, чтобы усыпить его нарочитое внимание. Для этого он использует насмешки над своим другом. Переступая порог квартиры Порфирия, он про себя замечает: «Этому тоже надо Лазаря петь и натуральнее». Брошенное невзначай в ироническом смысле имя «Лазарь» станет ключевым в дальнейшем тексте романа. Разыгранная сцена веселой бесшабашности на пороге, однако, не обманула проницательного следователя. Далее разговор приобретает все большую серьезность. Он касается статьи Раскольникова в «Периодической речи». Порфирий задает автору несколько уточняющих вопросов, разыгрывая при этом праздное любопытство. Оба пытаются при этом «Лазаря петь», но Порфирий уже приступил к дознанию. Следователь того времени в начале составления

протокола должен был сообщить о вероисповедании подследственного. Вот и в разговоре, когда Раскольников заканчивает изложение своих взглядов французской фразой: «Да здравствует вековая война, — до Нового Иерусалима, разумеется!» (то есть до скончания века...), Порфирий Петрович спрашивает его: «Так вы все-таки веруете же в Новый Иерусалим? — Верую, — твердо отвечал Раскольников, смотря в землю выбрав точку на ковре. — И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую. — Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия Петровича. — И в воскресение Лазаря веруете? — В-е-верую. Зачем вам все это? — Буквально веруете? — Буквально. — Вот как-с... так любопытствовал. Извините-с».

Постепенно из иронического «Лазаря поет», обоюдного, с двух сторон, возникает новое содержание. Оба это быстро почувствовали. По условиям протокола следователь обязан уточнить только рамки вероисповедания подследственного: придерживается ли он православной веры. Построчное уточнение по всему тексту «Символа веры» не входит в его обязанности. Это обычно делает священник. Однако Порфирий Петрович уточнение по первому пункту Символа все-таки сделал. Почему он не продолжил своих вопросов дальше, а сразу перешел к вопросу о воскресении Лазаря? Да и ответы утвердительные со стороны Раскольникова являются ли только обманом и хитростью в контексте «Лазаря поет» или же это действительно его утверждение? Он может и веровать. Можно веровать в Новый Иерусалим, в воскресение Лазаря — до тех пор, пока не спросят о вере в Господа нашего Иисуса Христа как Сына Божия*. На этом зиждется «Символ веры». Еще за час до своего преступления в мечтаниях Раскольников видит прекрасный оазис на Ближнем Востоке и остановившийся здесь караван. Тут и вода необыкновенной чистоты. Вода часто является символом истинной веры. В разговоре Иисуса с самарянкой Он прямо называет себя источником воды живой.

* АНТИХРИСТ: Змей искушитель; Левиафан.

В видении Раскольникова недаром показано, что он все пьет и пьет. Устремляется к Богу каждая верующая душа. Душа зовет нас в Новый Иерусалим. Только в контексте статьи Раскольникова непонятно, в какой именно Новый Иерусалим устремлена его душа?

До начала XX в. под антихристом подразумевалась определенная сущность, описанная в Н.З. Образное употребление выражения, в значении «богопротивный человек», «творящий зло», т.е. поступающий против заповедей Бога, напрямую основывалось на источнике. В дальнейшем выражение стало использоваться как самостоятельное, относящееся к разряду бранных и означающее дурного, жестокого человека вообще.

Антихрист (букв. — против-Христом) как наименование существа противостоящего Христу, т.е. Господу, появляется в Н.З. Сама же тема противоборствующих Богу сил проходит через все библейские книги. Эти силы персонифицируются в разных обликах. Так, уже на первых страницах Книги Бытия появляется змей-искуситель (воплощение сатаны), разрушающий первозданный рай, проклятый за это Господом и ставший с тех пор «врагом рода человеческого». В пророческом видении Исаии обетования Бога осуществляются после окончательной победы над древним змием: «В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Ис. 27:1, ср. Пс. 73:13). В видении пророка Захарии сатана (букв. — противник) предстает как прямой противник Христа. Ангел показывает пророку «Иисуса, великого иерея, стоящего пред Ангелом Господним, и сатану стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему» (Зах. 3:1).

В Н.З., соответственно земному воплощению Искупителя, реальные, чувственно воспринимаемые черты приобретает и Его противник — антихрист. Иоанн Богослов предупреждает верующих во Христа о появлении антихриста, действующего через конкретных людей — лжеучителей, лжепророков, извращающих учение Христа и использующих его в

собственных целях. «Дети! Последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время. Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши» (1 Ин. 2:18-19). Противодействие антихриста Иоанн Богослов усматривает в области идей: «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте, так всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога, а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (Ин. 2:7). «Обольстители и антихристы», выдающие ложь за истину, «беззаконник», который будет «выдавать себя за Бога», не просто ставят человека перед выбором между истиной и ложью, но, как подчеркивает апостол Павел, требуют совершенного умения отличать одно от другого (см. 2 Фес. 2:3-12; 1 Тим. 4:1-5).

Апокалипсис, как Книга о конечных судьбах мира, дает символическую картину последней битвы между Богом и силами зла, местом которой избран Армагеддон. Эти силы воплощены у Иоанна Богослова в образах двух зверей; восставших — один из бездны моря, другой — из бездны земли. Второму из них дано было вложить дух в первого зверя, «чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть» (Ап. 13:15-18). Перед последним великим Судом дьявол (сатана, древний змей, антихрист),

прельщавший народы, будет «ввержен в озеро и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков» (Ап. 20:10).

При ответе на этот вопрос нельзя обойти вниманием пророчество о последних временах известного старца преподобного Лаврентия (Проскура, 1868—1950), архимандрита черниговского Троицкого монастыря: «Антихрист сядет на престоле в Иерусалиме. При его коронации, когда будет читаться Символ веры, он не даст его правильно прочесть, где будут слова «Иисуса Христа, Сына Божия», он от них отречется, а признает только себя. И при этом Патриарх воскликнет: «Это Антихрист!» И за это будет умерщвлен Патриарх. Антихрист будет сильно обучен всем сатанинским хитростям, и он будет делать знаменье лживое...»⁷

Апокалиптическая тема незаметно получает развитие в романе, мы уже упоминали о ней в момент сокрытия Раскольниковым улики под камнем, где он утверждает «мерзость запустения», Проницательный ум Порфирия Петровича быстро определил главный пункт статьи Раскольникова. Он явно выходит за рамки христианского исповедания. Раскольников перед ним предстает как создатель новой веры, веры в нового Христа, по существу антихриста, способного совершать многие знамения, возможно и воскрешать из мертвых и т.д., но и совершать преступления. Как следствие он быстро опускает на землю мечтателя. «А коль так-с, ...то неужели вы бы сами решились... перешагнуть через препятствие-то? Ну, например, убить и ограбить?..»

Тема Лазаря приобретает после этого разговора серьезное значение. Да и преступление выходит за рамки бытового события. Следовательно, само наказание приобретает новое значение. Сам же Раскольников об этом говорит: «Тут нет ни позволения, ни запрещения. Пусть страдает, если жаль жертву. Страдание и боль обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть, — прибавил Раскольников вдруг задумчиво, даже не в тон разговора». А между тем тон Порфирия Петровича становится все более

фамильярным, даже в интонации его голоса было на этот раз нечто уж особенно ясное.

Страх, унижительная боязнь обнаружения улик, все усиливающееся раздвоение: «О как я ненавижу теперь старушонку... другой бы раз убил, если б очнулась. Бедная Елизавета! Зачем она тут подвернулась!.. Почему я об ней ничего не думаю, точно и не убивал? Лизавета! Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые, зачем они не плачут? Зачем они не стонут?.. Они все отдают... Глядят кротко и тихо... Соня! Тихая Соня!»

Эти восклицания Раскольникова так напоминают речи Мармеладова, которые герой как бы подхватывает после его смерти.

Мучения Раскольникова продолжаются. Как из-под земли появляется в его жизни мещанин, о котором Раскольников спрашивает: «Кто он? Кто этот вышедший из-под земли человек?.. Почему он только теперь выходит из-под полу?.. Стотысячную черточку просмотришь — вот и улика в пирамиду египетскую!.. И он с омерзением почувствовал вдруг, как он ослабел: физически ослабел. Я это должен был знать, — думал он с горькой усмешкой, — и как смел я, зная себя, предчувствуя себя, брать топор и кровавиться! Я обязан был знать заранее... Э! да ведь я же заранее и знал!.. — прошептал он в отчаянии».

С легкой руки Александра Сергеевича Пушкина появилась на свет старуха-графиня и бедная ее содержанка Елизавета. Стоит заметить, что «Елизавета» значит в переводе с еврейского «почитающая Бога». О ней стоит печалиться бедной душе Раскольникова. Как призрак графини входит в роман таинственный сон Раскольникова. Новый визит в квартиру старухи-процентщицы, продолжение мытарств во тьме.

Как леди Макбет не может смыть со своих рук кровь, так не может Раскольников расстаться с порочным кругом своего преступления. Теперь он вступает в страшном сне в потустороннюю реальность, в таинственной тишине... «Вдруг послышался мгновенный сухой треск, как будто сломали лучинку, и все опять замерло... В самую эту минуту, в углу, между

маленьким шкапом и окном, он разглядел как будто висящий на стене салоп. "Зачем тут салоп? — подумал он, — ведь его прежде не было..." Он подошел потихоньку и догадался; что за салопом как будто кто-то прячется».

Конечно же, прячется в этой щели старушонка. Страшная и неустрашимая улика. Щель у Ф.М. Достоевского всегда является местом сокрытия какой-то ужасной и страшной улики. И в этом романе в щели между стен скрываются под камнем улики; и другому персонажу — Свидригайлову — в предсмертном сне является такая же щель между шкафом и стеной, и в других романах писателя встречаются такие щели, где кончают жизнь самоубийством или укрывают улики.

Уничтожить эти улики никакими земными человеческими средствами уже не возможно: «Бешенство одолело его: изо всей силы начал он бить старуху по голове, но с каждым ударом топора смех и шепот из спальни раздавались все сильнее и слышнее, а старушонка так вся и колыхалась от хохота». Так кончается всякая попытка «во тьме» избавиться от последствий преступления. В этих мытарствах Раскольников не одинок: словно из этой «тьмы», переступив через порог его каморы, вошел Аркадий Иванович Свидригайлов. Свидригайлов раньше, чем Раскольников, своим «шестым чувством» распознал в нем собрата по мытарствам. Он как будто чувствует, от чего пробудился Раскольников. Свидригайлов так и замечает: «В вас что-то есть, то есть не собственно в эту минуту, а вообще теперь...» Он пытается убедить Раскольникова в беседе о Марфе Петровне, что в высшей степени имеет по ее поводу спокойную совесть. Да вот только заканчивает он одну из своих фраз картиной из мытарств — «банькой с пауками».

У Раскольникова ужасные сновидения, а у Свидригайлова — привидения наяву: «Я согласен, что привидения являются только больным, но ведь это только доказывает, что они могут являться не иначе как больным, а не то, что их нет самих по себе», — продолжал Свидригайлов...

«Ну, а что, если так рассудить (вот помогите-ка): "Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здравому человеку,

разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну, а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир"... Если в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить».

«Я не верю в будущую жизнь, — сказал Раскольников. — А что если там одни пауки или что-нибудь в этом роде, — сказал вдруг Свидригайлов. — Нам все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится».

«И неужели, неужели вам ничего не представляется убедительнее и справедливее этого! — с болезненным чувством вскрикнул Раскольников. — Справедливее? А почем знать, может быть, это и есть справедливое, и знаете, я бы так непременно нарочно сделал! Каким-то холодом охватило вдруг Раскольникова при этом безобразном ответе. Свидригайлов поднял голову, пристально посмотрел на него и вдруг расхохотался».

Действительно, есть о чем подумать герою. Перед ним стоит выбор: банька с пауками или пространство в аршин шириной. Небольшой выбор. О пауках приходится вспомнить и наяву: то Порфирий Петрович, следовательно, начнет рассказывать о своих паучиных сетях, то сам Раскольников в разговоре с Соней. Трудно даже понять, где здесь реальность, а где уже другой мир. Часто героя называют больным человеком, но болезнь его коренится глубоко в его натуре, изнутри она подтачивает его, утрата веры: вверенность ложным идеям и утрата надежды — отчаяние. Герой переступил через черту, но о черте высказываются почти все персонажи. Даже и Лужин вдруг в разговоре с Авдотьей Романовной заявил: «Есть некоторые

оскорбления, которые забыть нельзя-с. Во всем черта, за которую перейти опасно, ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно». Эту черту и почувствовал Раскольников, когда после окончательного разрыва с Лужиным он объявил о своем решении отдалиться от матери и сестры. Черта перешла в пропасть. Выйдя в коридор из комнаты, он заговорил с Разумихиным, почти цитируя Евангелие: «Оставь меня, а их... не оставь. Понимаешь меня?» — отныне поручая своих родных попечению друга, как там, на Голгофе. «Разумихин всю жизнь помнил эту минуту. Горевший и пристальный взгляд Раскольникова как будто усиливался с каждым мгновением, проникал в его душу, в сознание». Между ними установилось бессловесное понимание. «Какая-то идея проскользнула, как будто намек; что-то ужасное, безобразное и вдруг понятое с обеих сторон... Разумихин побледнел как мертвец. — Понимаешь теперь?.. — сказал вдруг Раскольников с болезненно искривившимся лицом. — Воротись, ступай к ним, — прибавил он вдруг и, быстро повернувшись, пошел из дому».

Творческому методу Ф.М. Достоевского свойственно соотносить противоположности. Герои, существующие соотнесенными близостью обстоятельств, оказываются на разных полюсах пространства и времени; но, казалось бы, что общего между Распятым Спасителем на Голгофе и преступником Раскольниковым, оставляющим своих самых близких людей на попечение друга, для того чтобы самому уйти, возможно навсегда. Смелое сопоставление, но оно заставляет содрогнуться сердца, и в этом метод писателя-сердцеведа. После этой беседы Раскольников приходит к Соне в первый раз.

Сама обстановка, в которой живет Соня, ее комната «имела вид неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое». Не раз эта комната окажется подобием Ноева ковчега, где находят утешение страждущие герои романа. Сама Соня, страдающая от своей вынужденной жизни, сохраняет в сердце своем способность любить и находит в себе силы жертвовать собой до конца. В этом смысле она тоже живет где-то на грани

(черте), и Раскольников напоминает ей об этом: и ей все время как бы приходится выбирать между ужасно острым (как топор) углом своего убогого жилища — или же слишком безобразно тупым. Первый разговор Раскольникова с Соней очень напоминает допрос, который ведется в жесткой форме. Такое впечатление, что Достоевский заглянул в следственные изоляторы страшного XX века в России. Когда зашел разговор о Боге, Раскольников замечает: «Да, может, и Бога-то совсем нет, с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее».

Соня вынуждена отдавать свое тело на продажу. Обнажение тела в этих обстоятельствах больно для совестливого человека, но это задевает только тело. В Евангелии говорится: не бойтесь тело ваше убивающих, бойтесь более тех, кто душу вашу убивает. Едкие замечания Раскольникова безжалостно ранят душу Сони. «Лицо Сони вдруг страшно изменилось: по нем пробежали судороги. С невыразимым укором взглянула она на него, хотела было что-то сказать, но ничего не могла выговорить и только вдруг горько-горько зарыдала, закрыв руками лицо». В поведении Раскольникова часто чувствуется раздвоенность. Казалось бы, он пришел к Соне за утешением, но вот эти его замечания предполагают, что у него есть еще и другая цель — цель того, кто стоит за ним: Он приходит за душой Сони, чтобы, сломив ее, сделать и ее обительницей «мытарств во тьме», тем более, что и она сознается, что видит призраки (своего покойного отца). В сердце Раскольникова идет постоянное борение: то он бросает на нее сухой, воспаленный, острый взор, то вдруг быстро наклоняется и, припав к полу, целует ее ногу: «Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился, — как-то дико произнес он — я моей сестре сделал сегодня честь, посадив ее рядом с тобою».

«Честь! Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница! Ах, что вы это сказали!».

Св. Игнатий Брянчанинов отмечает⁸ вид смирения, приготовляющий к терпению скорбей, который назван самоукорением (обвинение себя в

греховности). «При самоукорении христианин видит всех людей Святыми Ангелами, а себя грешником из грешников... Через самоукорение благоразумный разбойник на кресте делается богословом, а ученые фарисеи, почивающие на законе Божиим, стали богоубийцами». Можем отметить, что Соня наделена этой добродетелью. «Да скажи же мне, наконец, — проговорил он, почти в исступлении, — как этакой позор и такая низость в тебе рядом с другими противоположными и святыми чувствами совмещаются. Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить». Здесь он говорит по внушению сатаны (в исступлении). Это сатана тянет ее в канаву.

Действительно, в Соне сочетается несовместимое, как в ее комнатке «ужасно острый угол» и «слишком безобразно тупой». В умозаключениях Раскольникова воспроизводится обычный искус, возникающий у самоубийцы, — он зиждется на гордыне и самомнении. К ним-то и призывает Раскольников Соню, словно нечистый дух, тот, что только что низринул с моста утопленницу. Как в каждом человеке, в Соне могло быть такое борение, и Раскольников прочел в одном ее взгляде след этой мысли; но Соню останавливала самоотверженная и сострадательная любовь к несчастной Екатерине Ивановне, к детям, к ближним своим.

«Что она? Уж не чуда ли ждет? И наверно так. Разве все это не признаки помешательства?» В советские времена верующих с легкой руки создателей теории о «вялотекущей шизофрении» стали причислять к сумасшедшим. Раскольников стоял у истоков этих изысканий.

«Так ты очень молишься Богу, Соня? — спросил он у нее. — Что же я без Бога была? — быстро, энергически прошептала она, мельком взглянув на него вдруг засверкавшими глазами».

У Достоевского часто не только выражение лица, но блеск глаз является характеристикой внутреннего состояния героя, а здесь, в этом сверкании, открывается сама душа героини, душа ее как бы обнажается в волнении.

«А тебе Бог что за это делает? — пытался он». О, как нам знаком этот вопрос! Он мог прозвучать на допросах в страшном XX веке, от ответа на него зависела судьба человека. Мы сейчас этот вопрос слышим чаще всего от обывателей, материалистов, привыкших искать во всем тайные или явные выгоды. Они могут примкнуть и к вере, если что-то за это получают. Но за таким вопросом кроется холод неверия. «Соня долго молчала, как бы ни могла отвечать. Слабенькая грудь ее вся колыхалась от волнения. — Молчите! Не спрашивайте! Вы не стойте!.. — вскрикнула она вдруг, строго и гневно смотря на него (...) — Все делает! — быстро прошептала она, опять потупившись».

«Вот и исход! Вот и объяснение исхода! — решил он про себя, с жадным любопытством рассматривая ее. С новым, странным, почти болезненным чувством всматривался он в это бледное, худое и неправильное угловатое (как и ее помещение—Н.Е.) личико, в эти кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнем, таким суровым энергическим чувством, в это маленькое тело, еще дрожащее от негодования и гнева, и все это казалось ему более и более странным, почти невозможным. "Юродивая! юродивая!" — твердил он про себя. На комод лежала какая-то книга. Он каждый раз, проходя взад и вперед, замечал ее; теперь же взял и посмотрел. Это был Новый Завет в русском переводе (...) — Это откуда? — крикнул он ей через комнату. Она стояла все на том же месте, в трех шагах от стола. — Мне принесли, — ответила она, будто нехотя и не взглядывая на него. — Кто принес? — Лизавета принесла, я просила».

Не правда ли, эти вопросы напоминают обыск с дознанием? Раскольников как будто демонстративно не называет название книги. Это для него типично. Он вряд ли помнит Евангелие, поэтому, перелистывая книгу, он вдруг спрашивает Соню: «Где тут про Лазаря?» «Не там смотрите (...) — сурово прошептала она (...). — Найди и прочти мне, — сказал он, сел, облокотился на стол, подпер рукой голову и угрюмо уставился в сторону,

приготовившись слушать». Чтение следовало бы выслушать стоя, но всем поведением Раскольников пытается выразить свое пренебрежение.

«Разве вы не читали? — (...) голос становился суровее. — Давно (...): а в церкви не слышали? — Я... не ходил. А ты часто ходишь? — Н-нет, — прошептала Соня (...) отца пойду хоронить (...) и на прошлой неделе была... панихиду служила (...) по Лизавете».

В последних ответах Сони слышится горечь. Она, видимо, считает себя недостойной полного участия в жизни церкви, этому препятствует ее ремесло. Она, по-видимому, числит себя в числе оглашенных или несущих епитимью за свою греховную жизнь. В этом случае она может участвовать в отпевании, служить панихиду, но не может участвовать в Божественной литургии. Здесь снова проявляется ее требовательность к себе, но это не унижает ее любви и уважения к церкви.

Раскольников узнает, что Соня была дружна с Лизаветой. О ней Соня сказала: «Она Бога узрит».

Соня читает Евангелие о воскрешении Лазаря, как бросаются на амбразуру герои, с обнаженным сердцем и с последней надеждой. Мы знаем случаи, когда такая надежда оправдывалась: уверялись непримиримые враги веры. Бывало, что надежда не оправдывалась, и тогда боль в сердце была острее, да и судьба могла стать трагичнее (в 20-е годы XX столетия за такую веру можно было и под расстрел попасть, и на Соловки). Почему же именно Лазарь вспомнился Раскольникову? Любимый ученик Иисуса, брат Марфы и Марии, живший добродетельной жизнью, — отшедшие от греховной жизни; они служили людям. Иисус горячо любил Лазаря. И когда он узнал о его болезни, то направился к Иерусалиму. По прибытию в деревню Вифания Иисус узнает о его кончине. Вот уже четыре дня он лежит во гробе. В условиях ближневосточного климата от его тела осталась лишь груда червей, но Господь наш направляется к его гробнице и приказывает отвалить камень, за которым находится мерзость смрад и тление.

Камень гробницы перекликается с тем камнем, под который брошены улики мерзкого преступления Раскольникова. Сюда заброшена сама его душа (как укорительно звучат в этом случае слова Спасителя: «Где сокровище ваше, там будете сердце ваше»). Да и сам он подобен Лазарю, уже несколько суток пребывая в порочном круге во тьме мытарств, за порогом бытия. Люди, окружавшие гробницу Лазаря, затыкают носы, не в силах переносить смрад. Камень отвален. Но по молитве Господа Иисуса Христа Сына Божия совершается величайшее из чудес, — груда червей из праха и тлена обращается в человеческую плоть. Лазарь из тьмы выходит к свету. Великое ликование разносится по миру и поныне. Это величайшее свидетельство победы жизни над смертью. Раскольников часто говорит об исходе, говорит туманно и неопределенно. Но для христианина это исход от смерти к жизни («Пасха» — и есть «исход» по древнееврейски), это победа воскресшего Спасителя над царством смерти. Раскольникову еще предстоит выйти из тьмы к свету, от тьмы неверия к свету истинной веры. Его истерзанная душа должна воскреснуть, выйти из смрада и тления на свежий, благотворный воздух и вздохнуть радостью о пришедшем Мессии вместе с жителями Иерусалима, приемлющими Его во святом граде. На пути к своей вере Раскольникову еще придется расстаться с двусмысленностью самого имени Лазаря, пройти путь от «Лазаря петь» до «Лазаря четверодневного», воскрешенного словом Божиим. От двусмысленности в понимании нового Иерусалима до понимания самого Христа, редко и вскользь упоминаемого героем. Цель христианина — переступить черту, отделяющую нас от жизни вечной, вступить в Царствие Небесное. Совсем о другой черте говорит в диалогах с Соней Раскольников. Он видит только внешнюю сторону ее жизни: «Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою (это все равно!). Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься одна, сойдешь с ума, как и я. (...) Пойдем! — Зачем вы это? — проговорила Соня, странно и мятежно взволнованная его словами».

Раскольникову удастся внести мятеж в ее страждущую, но глубоко верующую душу, с его словами туман и тьма подступают к ее сердцу.

«Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! (...) Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! (...) Это мое тебе напутствие!». Риторический вопрос: что делать? — разрешаемый в произведениях демократов и разночинцев, действительно многих привел на этот путь. Гордые разрушители с окровавленными топорами в руках. Рубящие по живому телу России. Встреча с Соней заканчивается этим противостоянием носителя истинной веры и безжалостного сторонника «лжеименного» разума. Но между ними установилась странная связь, содержание которой раскроется только в конце романа. Оба поняли, что друг без друга жить не смогут.

Душа Раскольникова пребывает в аду, как мы уже отмечали, и в аду этом, помимо страшных видений, снов, призраков, живут вполне реальные пауки-следователи, среди которых Порфирий Петрович самый первый, плетущий свои следовательские уловки. «Видали бабочку перед свечкой? Ну, так вот он все будет, все будет около меня как около свечки кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть!.. (...) Прямо мне в рот влетит, я его и проглочу-с, а это уж очень приятно-с, хе-хе-хе!».

В знании человеческой природы и психологии Порфирию Петровичу трудно отказать: «Зеркало — натура, зеркало-с, самое прозрачное, смотри в него и любуйся, вот что-с!» Действительно, натура — это зеркало. Не через это ли зеркало видел себя Раскольников, вглядываясь в мутную воду канавы с горбатого моста, когда мимо него пролетела утопленница? «Воздуху пропустить, свежего! Да водицы бы вам, голубчик, испить, ведь это припадок-с!» — уговаривает Порфирий Петрович пришедшего в исступление от негодования Раскольникова, приговаривая при этом: «Ради Христа! Ради Христа!»

«Негодование в вас кипит благородное, от полученных обид, сперва от судьбы, а потом от квартальных. Вот и мечетесь туда и сюда, поскорее бы все сразу кончить...».

«Да это что же, батюшка, (...) нервы свои раздражать: по ночам в колокольчики ходить звонить, да про кровь расспрашивать! Эту психологию-то я изучил на практике-с. Эдак ведь иногда человека из окна али с колокольни соскочить тянет, и ощущение-то такое соблазнительное. То же и колокольчики-с... Болезнь, Родион Романович!..».

Встреча с представителем власти. Как много говорит Раскольников о власти. Но вот она какая власть: умный, проницательный следователь, забывая о сострадании, превращается в паука, а его жертва приходит в исступление. Порфирий Петрович впоследствии принесет покаяние в своем поведении, но мытарства во тьме Раскольникова продолжают. Вернувшись к себе, он хотел отворить дверь, как вдруг она стала отворяться сама. Раскольников задрожал и отступил назад. Дверь отворялась медленно и тихо, как будто в страшном сне, и вдруг показалась фигура вчерашнего человека «из-под земли». Тоже персонаж мытарств Раскольникова. Только на этот раз он пришел не пугать, а положил поклон перед Раскольниковым и попросил прощения за оговор и злобу. Раскольников прощает его именем Божиим, но для него самого время покаяния еще не наступило. Самооговор Миколки оставил ему достаточно времени для того, чтобы утвердиться в своей безнаказанности.

На протяжении дальнейшего повествования (5-й части романа) Достоевский изобличает людей двух разных формаций. От пошлости Лебезятникова, носителя будущей социалистической идеологии, он переходит к характеристике представителя формации капиталистической: «Екатерину Ивановну поразил сухой, деловой, полный даже какой-то презрительной угрозы тон Петра Петровича». Лужин, своего рода «новый русский», приехавший в Петербург сделать карьеру, сделать любыми средствами. И в этом смысле он тоже паук, своими тенетами опутавший

семейство Раскольникова, а когда потребовалось, попытавшийся втянуть в них и Сонечку Мармеладову.

Защищая Сонечку на поминках ее отца, Раскольников говорит: «Петр Петрович, со всеми своими достоинствами, не стоит одного мизинца Софьи Семеновны, о которой он так дурно отзывается...» Но и Петр Петрович, уходя со сцены, бросил многозначительную фразу: «В суде... не поверят двум отъявленным безбожникам, возмутителям и вольнодумцам».

Раскольников был деятельным и бодрым адвокатом Сони против Лужина, хотя сам носил столько собственного ужаса и страдания в душе... Ему нужно было переменить свои впечатления, становившиеся невыносимыми. «Все и вся вокруг него мучается, но больше всего мучается он внутри себя». Снова ноги несут его к квартире Сони, но, подойдя к ней, он чувствует страх и обессиленность. Но вместо того, чтобы искать у Сони умиротворения, он снова пытается втянуть ее в тот же круг вопросов: кого убить? кого жить оставить? Лужина или Катерину Ивановну? И бедная Соня восклицает: «Кто меня судьей тут поставил: кому жить? кому не жить? Вы опять на что-то наводите. Мучить меня пришли?»

Для христианина евангельское «Мне отмщение и Аз воздам» непреложно; все остальное, как говорится, от лукавого. Чувствуя это внутреннее противостояние Сони, Раскольников сразу меняется. Выделанно-нахальный и бессильно вызывающий тон его исчез, даже голос вдруг ослабел. Еще вчера он сказал Соне в гордыне своей, что не прощения придет просить, а вот уже на устах его — просьба о прощении.

Достоевский в этом сложном разговоре героя с Соней нащупывает первые ростки его внутреннего перерождения: то вскипала у него ненависть к ней, то она исчезала, как призрак; то он принимает одно чувство за другое, но это значит только, что та минута пришла.

«Так не можешь угадать (кто убил Лизавету — Н.Е.), — спросил он вдруг, с ощущением как бы бросился вниз с колокольни. — Погляди-ка хорошенько, — и опять одно прежнее ощущение оледенило вдруг его душу;

он вдруг в ее лице как бы увидел лицо Лизаветы. — Угадала — Господи! — вырвался ужасный вопль из груди ее. Бессильно упала она на постель, лицом в подушки, но через мгновение приподнялась, быстро придвинулась к нему, схватила его за обе руки и, крепко сжимая их, стала смотреть в его лицо. Этим последним отчаянным взором она хотела высмотреть и уловить хоть какую-нибудь последнюю себе надежду. Но надежды не было, сомнения никакого: все было так!».

Именно в этот момент мы снова встречаемся с тем же телодвижением — падением ниц, лицом вниз, как это было уже отмечено в двух предыдущих случаях, связанных с определением внутреннего состояния героя. Перед преступлением сам Раскольников лежал ниц и видел себя в Аравийской пустыне у целительного источника; на горбатом мосту лицом вниз проплывала, словно отягченная грехом душа Раскольникова, утопленница в канаве; и теперь сюда упала его душа лицом вниз, в подушки, вместе с Соней. Странная трансформация лиц отмечалась нами в сцене на горбатом мосту: в лице утопленницы проступают черты страдания и Лизаветы, и Сони.

Соня бросается перед Раскольниковым на колени: «Что вы, что вы это над собой сделали! — отчаянно проговорила она и, вскочив с колен, бросилась ему на шею, обняла его и крепко-крепко сжала его руками. — Странная ты какая-то, Соня, обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал про это, себя ты не помнишь. — Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете! Воскликнула она, как в исступлении, не слыхав его замечания, и вдруг заплакала навзрыд...».

Когда находят замерзающего человека, то одним из способов спасения является отогревание его своим телом, пока не придет другая помощь. Когда пытаются восстановить дыхание, то дышат рот в рот, чтобы воздух из наших легких возвратил к жизни умирающие легкие. То же делает и Соня, только она отогревает омертвевшую душу Раскольникова и слезами отогревает ее. И мы видим, как происходит чудо: «Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягчили ее. Он не сопротивлялся ему: две

слезы выкатились из его глаз и повисли на ресницах». Как из клинической смерти возвращается к жизни душа, отягченная и омертвленная преступлением. Соня подхватывает еще слабую, едва двигающуюся его душу: «Вместе, вместе! — повторяла она, как бы в забытии и вновь обнимала его. — В каторгу с тобой вместе пойду! — Его как бы вдруг передернуло, прежняя, ненавистная и почти надменная улыбка выдавилась на губах его. — Я, Соня, еще в каторгу-то, может, и не хочу идти, — сказал он».

Душа сделала глубокий вздох, но не успела вернуться к нормальному дыханию: снова тина тьмы затягивает ее вниз, слишком коротким оказался вдох, много придется ей еще откашливаться: воздуха ей надо, воздуха! После первого страстного мучительного сочувствия к несчастному опять страшная идея убийства поразила ее. В переменившемся тоне его слов ей вдруг послышался убийца. Она с изумлением глядела на него. Ей все не верилось: «Он! Он убийца! Да разве это возможно!» — Ну да, чтоб ограбить, — как-то устало ответил он.

Легко ли было Раскольникову объяснить причину своего преступления: голод, желание помочь матери — все это было не совсем верно, непонятно было его поведение: то он отдает последнее, то он убивает, чтобы ограбить, а краденные, обогранные кровью вещи хоронит под камнем и ничего оттуда не берет и до сих пор не знает, что с этими вещами делать. «Знаешь, Соня, — сказал он вдруг с каким-то вдохновением, — если б только я зарезал из того, что голоден был, — продолжал он... загадочно, но искренне смотря на нее, — то я бы теперь... счастлив был! Знай ты это!»

В том-то и дело, что «не хлебом единым жив человек», и первый соблазн сатаны в пустыне был им отвергнут, но второй и третий, где речь идет о власти и крайнем познании зла, — приняты. Он пройдет до последней черты познания зла, где разврат, сребролюбие — главные губительные пороки человека — разрешаются в убийстве. Он снимает с себя все запреты, беззащитный выходит навстречу злу, приходя к самозакланию. «Я ведь только теперь, только сейчас понял: куда тебя звал вчера? Вчера... за одним и

звал, за одним приходил: не оставить меня». Из последних сил, как утопающий хватается за соломинку: «Ну, за что ты меня обнимаешь? За то, что я сам не вынес и на другого пришел свалить: "Страдай и ты, мне легче будет!" И ты можешь любить такого подлеца? — Да разве ты тоже не мучаешься? — вскричала Соня».

Как тяжело и трудно лечится рана, как глубоко проникает скальпель хирурга, как порой бывает больно, но за этой операцией, за этой хлынувшей струей крови рана очищается, исцеляется, накладываются повязки, приходит момент заживления. «Опять тоже чувство волной хлынуло в его душу и опять на миг размягчило ее». И началась исповедь: «Я тогда, как паук, к себе в угол забился...».

«А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят! О, как я ненавидел эту конуру, но выходить из нее не хотел, нарочно, (...) по суткам не выходил, и работать не хотел, ни есть — все лежал. Есть со зла не спрашивал, Ночью, огня нет, лежу в темноте, а на свечи не хочу зарабатывать. Надо было учиться, я книги распродал, и повсюду, и на книгах пыль с палец. Я лучше любил лежать и думать. И все думал... И все сны были какие-то странные, мерещится что-то...».

Конура как гроб, как банька по черному с пауками в углах — по Свидригайлову: прижизненная могила. Но разве дело в низких потолках? До XVII века строили жилища с низкими потолками и до сих пор строят избы, но при этом ни умом, ни душой не стесняются. Да и подвижники аскеты жили в тесных кельях: все состоит в нашем внутреннем устройении. Святые отцы отмечают опасность праздности, которая, является причиной греховных помыслов. Именно она создает блуждания мысли, которые приводят к мыслям погибельным. Уже отмечалось, что Раскольников — псевдомонах. Его анахоретство не результат молитвы и собранности, а состояние блуждающих мечтаний, которые обычно заканчиваются одной болезненной мыслью, перебарывающей все остальные и занимающей доминирующее место, эта мысль становится идеей-фикс. Для своего утверждения она

черпает все остальные духовные силы человека, пригодные «материалы», а именно: злобность натуры, сердечную склонность ко злу, фантастичность мышления. В результате рождается сплав необыкновенной прочности, через который трудно бывает пробиться. «Теперь я знаю, Соня, кто крепок и силен умом и духом, тот над ними властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав! Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее. Так доселе велось и всегда будет! — Лихорадка вполне охватила его, он был в каком-то мрачном восторге. Соня поняла, что этот мрачный катехизис стал его верой и, законом. (...) — Власть дается тому, кто посмеет наклониться и взять... Взять просто-запросто все за хвост и стряхнуть к черту! Я... я захотел осмелиться и убил... вот вся причина. (...) Соня, это когда я в темноте-то лежал, и мне все представлялось, это ведь дьявол смущал меня? а? — (...) Не смейтесь, богохульник, ничего, ничего-то вы не понимаете! (...) — Молчи, Соня, я совсем не смеюсь, я ведь и сам знаю, что меня черт тащил».

Наклониться, правильное сказать — поклониться, как в искушении сказано сатаной было: «Поклонишься мне». А за этим стоит начало новой веры, а за ней утверждение новых «святынь», камней и мраморных мавзолеев. Теперь мы можем понять, почему Сонечка живет у косноязычных Капернаутовых. Как в ретроспективе, наш умственный взор и наши чувства прослеживают важнейшие эпохи в жизни человечества: ветхозаветный косноязычный Моисей-законодатель и заповеди его; новозаветные заповеди, провозглашенные Спасителем в Капернауме в земле Галилейской — и вот теперь новый катехизис «лжеименного» разума, который стремится самоутвердиться на живой человеческой крови. «Я захотел, Соня, убить, без казуистики, убить для себя, для себя одного!.. А там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне в ту минуту все равно должно было быть». «Мне (...) поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли

я дрожащая или право имею... — Убивать-то право имеете? — всплеснула руками Соня. — Я только попробовать сходил... Я хотел тебе только одно доказать: что черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! Насмеялся он надо мной, вот я к тебе и пришел теперь!.. Разве так идут убивать, как я тогда шел... Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!.. А старушонку эту черт убил, а не я... Довольно... оставь меня, вскричал он в судорожной тоске. — Экое страдание! — вырвался мучительный вопль у Сони».

Перед нами полная картина бедствия, постигающая человека в результате шествия по пути грехопадения, «познания добра и зла» во всех крайних степенях проявления зла. Казуистика Адама, приведшая Раскольникова к безобразному тупику, к щели, в которой не скрыть ни улик, ни страданий, в которой мытарства и вечная погибель.

«Ну что теперь делать, говори! — спросил он вдруг, подняв голову и с безобразно искаженным от отчаяния лицом смотря на нее». Когда космонавты или летчики сверхзвуковых самолетов поднимаются на смертельно опасную высоту за черту земного притяжения, они во всем своем теле чувствуют страшные судороги — такими нечеловеческими перегрузками отягчена душа Раскольникова.

«Что делать? — воскликнула она, вдруг вскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали... — Стань на перекрестке, поклонись, поцелуй землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету на все четыре стороны и скажи всем вслух: «Я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет».

Многих поражает это предложение Сони, в нем видят проявление какого-то язычества, но она поняла, что на слишком многое посягнул Раскольников. Во время совершения таинства крещения совершается и «чин оглашения», чин отречения от сатаны, который завершается оплевыванием его. Так совершается возведение на первую ступень духовного посвящения.

После этого оглашенный может приступить к таинству крещения для воссоединения с Богом Истины Иисусом Христом Сыном Божиим, чтобы войти в жизнь вечную. Раскольников совершает обратный чин, и тем самым обрекает себя на гибельную власть сатаны. За всем стоит изощренная казуистика кощунства, которая оскверняет землю вместе с пролитием крови. Соня призывает его вернуться к памяти о Христе, призывает выйти на перекресток, призывает его поклониться всему свету на все четыре стороны. Так, на все четыре стороны, на всеобщее обозрение являют крест на всемогущей во время великого праздника Воздвижения Господня. Исповедь на все четыре стороны: «Я убил!» — прообраз древней практики покаяния перед всем народом, в этой форме, совершавшейся с первохристианских времен. За исповедание можно было в те времена и на каторгу пойти, и на эшафот взойти. Сподобиться мученичества. Здесь же Соня предлагает ему стряхнуть вредоносное бремя сатаны, «страдание принять и искупить себя им, вот что надо». Преступление Раскольникова превосходит все представимое в человеческом плане. Он и сам ощущает, что зашел за последнюю черту. За ней открывается пропасть и вступает в силу Апокалипсис. И искупается этот грех той же высокой мерой, равнозначным наказанием. Раскольников долго этого не может понять, долго упрямится, не хочет идти в контору, не хочет идти в каторгу, не хочет принести покаяния перед матерью, сестрой. А самое главное — не хочет принять покаяние перед лицом Божиим в таинстве исповеди.

«А жить-то как будешь? Жить-то с чем будешь? Ну как же, как же без человека-то прожить!» Но ей отвечает все тот же окаменелый Адам. «В чем я виноват перед ними? Что им скажу? Все это один только призрак... Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают. Ничего они не поймут, Соня, и не достойны понять. — Замучаешься, - повторяла она. — Я может на себя еще наклепал, — мрачно заметил он, (...) — может, я еще человек, а не вошь и поторопился себя осудить... Я еще поборюсь».

Борьба. В борьбе так быстро можно забыться. В борьбе можно многому научиться. Надменная усмешка выдавливалась на губах Раскольникова, как будто вечный змий выдавливался из него. Печальная участь Адама, изгнание. «Они сидели рядом, грустные и убитые, как бы после бури выброшенные на пустой берег одни. Он смотрел на Саню и чувствовал, как много на нем было ее любви, и странно, ему стало вдруг тяжело и больно, что его так любят. Да, это было странное и ужасное ощущение. Идя к Соне, он чувствовал, что в ней вся его надежда и весь исход; он думал сложить хоть часть своих мук, и вдруг, теперь, когда все сердце ее обратилось к нему, он вдруг почувствовал и осознал, что стал беспримерно несчастнее, чем был прежде». Наверное, так ощущали друг друга Адам и Ева, тяжкие последствия грехопадения принявшие на свои слабые человеческие плечи. «Есть на тебе крест? — вдруг неожиданно спросила она, точно вдруг вспомнила. Он сначала не понял вопроса. — Нет ведь, нет. На, возьми вот этот, кипарисный. У меня другой остался, медный, Лизаветин. Мы с Лизаветой крестами поменялись. Она мне свой крест, а я ей свой образок дала. Я теперь Лизаветин стану носить, а этот тебе. Возьми... ведь мой! (...) — упрашивала она. — Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!..».

Крестами Елизавета и Соня породнились, именно через кресты, наверно, он рассмотрел в ее лице лицо Лизаветы. Теперь она понесет с собой крест Лизаветы и вместе они понесут этот крест во искупление.

«Дай! — сказал Раскольников. Ему не хотелось ее огорчать. Но он тут же отдернул протянутую за крестом руку. Не теперь, Соня, (...) — прибавил он, чтобы ее успокоить. Да, да, лучше, — подхватила она с увлечением, — как пойдешь на страдание, тогда и наденешь. Придешь ко мне, я надену на тебя, помолимся и пойдем».

Она выступает здесь и как мать, и как священник, вручающий при крещении человеку крест со словами: «Ризу мне подаждь светлу». И благословение. Судьбы обоих неразлучны, их связывает знание греха, но и начало любви, следование по пути наказания и по пути спасения. Через

некоторое время шаги его достигли дома, и, выглядывая из окна своей каморы, он ощущает, как ему все обрыдло. Все вокруг скука и одиночество. Где-то стучали, но не было видно стучащих, как будто жизнь его заколачивали в гроб. Может быть, он действительно возненавидит Соню теперь, когда сделал ее несчастней. Зачем ходил просить ее слез? Зачем заедает ее жизнь? О подлость! — Так, наверное, плакал Адам, ощутив меру наказания за свое грехопадение, за которым открылись несчастья, болезни и зияние смерти для него и для нее, и для всего человечества.

«Я останусь один! — проговорил он решительно, — и не будет она ходить в острог!» Через пять минут он опять улыбнется на странную мысль: «Может, в каторге-то действительно лучше, — подумалось ему». Он не помнит, сколько времени он просидел с толпившимися в голове его неопределенными мыслями, как вдруг в камору вошла сестра его, Авдотья Романовна. Взгляд ее был тих и ясен, в нем светилась любовь к нему. «А теперь я пришла только сказать, что если я тебе в чем понадобится, вся моя жизнь... то кликни меня, я приду. Прощай». В голове Раскольникова пробежала мысль: «А выдержит ли эта или нет? Нет, не выдержит; этаким не выдержать!.. Они никогда не выдерживают... — И он подумал о Соне. Из окна повеяло свежестью».

Каждое упоминание о свежести, о свежем воздухе, о чистой воде всегда связаны с минутами духовного прозрения героя, с минутным пробуждением его духовной жизни, это — оазис в пустыне житейской. Внешняя же его жизнь поддерживается только внутренней непрерывной тревогой и держит его на ногах и в сознании, но как-то искусственно, до времени, отмечает писатель. Какая-то особенная тоска начала сказываться в нем в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность «на аршине пространства». В вечерний час это ощущение обыкновенно еще сильнее начинало его мучить. Снова Раскольников

отвлечен от своих удручающих мыслей, разыгрывается драма Екатерины Ивановны у Вознесенского моста. Пришедшая в отчаяние женщина вместе с детьми организовала безумные танцы, песни, ее охватывает безумие, она падает и разбивается о землю. В это время слышится: «Нужен врач и священник». «Зачем священник, — выкрикивает она. — Целковый лишний? На мне нет грехов! Бог и без того должен простить... Сам знает, как я страдала, а не простит, так и не надо!» В этих безумных выкриках вся мера ее отчаяния и дерзости. Не молитва срывается с ее губ, а стихи М.Ю. Лермонтова: «В полдневный жар долине Дагестана, с свинцом в груди...» «Довольно, пора, прощай, горемыка, уездили клячу, надорвалась!» — крикнула она отчаянно. Эта часть произведения увязана с еще одним мытарством во тьме, связанным уже со Свидригайловым. В тот момент, когда умирающую Катерину Ивановну внесли в комнату Сонечки, он вырос как из-под земли. Сразу взял на себя все расходы по похоронам, что поразило Раскольникова: «С какими целями вы так разблаготворились? — спросил Раскольников. — Ну а просто по-человечески, не допускаете?» И слово за словом Свидригайлов повторяет слова Раскольникова, сказанные Соне. Паучиная природа Свидригайлова открылась во всей красе. У Раскольникова захватило дыхание. А тот еще продолжает цинично: «Я ведь предсказывал, что мы сойдемся. Ну, вот и сошлись... Со мной еще можно жить». Уговаривает, как паук муху.

Внутреннее состояние Раскольникова резко ухудшилось. «Точно туман упал перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение. Порой овладевала болезненно мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх... Бывали минуты, часы и даже дни полной апатии, овладевавшей им в противоположность страху, — апатии, похожей на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих».

Особенно тревожил его Свидригайлов. В одну из коротких с ним встреч он сказал Раскольникову: «всем человекам надо бы воздуху, воздуху, воздуху-с. Прежде всего!» Примечательно, что сразу после этих слов в

комнату Сони входят священник, дьячок для служения панихиды. Раскольников постоял, подумал и пошел вслед за ними. «Началась служба тихо, чинно, грустно. В сознании о смерти и в ощущении присутствия смерти всегда для него было что-то тяжелое и мистически ужасное, с самого детства; да и давно уже он не слышал панихиды (...) Солнце ярко освещало комнату, кадильный дым восходил клубами; священник читал «Упокой, Господи». Раскольников отстоял всю службу. Благословляя и прощаясь, священник как-то странно осматривался».

Уже не раз отмечалось, что комната Сонечки Мармеладовой в действии романа носит церковные функции. В ней есть что-то от катакомбы, будто ураган безбожия смел с лица земли все церкви, но еще тихо звучит молитва в таких странных уголках как комнатка Сони. Вот и Раскольников, не входя в эту комнатку, стоит в дверях, как бы обозначая границу двух миров: веры и неверия; да и священник чувствует себя здесь как-то странно и неуютно. Уходя от Сони, Раскольников ощущает страшную тяжесть. У него постоянная потребность в одиночестве и ему кажется, что останься он один на всю жизнь, это было бы для него счастьем. Это каиново чувство. И второе чувство, которое в нем нарастает: чем уединеннее было место, «тем сильнее он сознавал как будто чье-то близкое тревожное присутствие, не то чтобы страшное, а как-то уж очень досаждающее». Так что он стремился поскорее возвратиться в город, смешаться с толпой, ходить в трактиры, распивочные, на толкучий рынок, на Сенную. «Здесь было уж как будто бы легче и даже уединеннее (...) Все в какой-то клубок сматывалось».

Человек, совершивший столь тяжкое преступление, оказавшийся в положении Раскольникова, по свидетельству святых отцов, лишает себя ангельской защиты и, если вскорости не принесет покаяния в своем грехе, может оказаться во власти темной и губительной силы, во власти бесовской. В своей последней степени такое овладение темной силой иллюстрируется пророчеством близких к нам по времени старцев. В частности, старца Лаврентия Черниговского, которого мы уже упоминали выше. В своем

пророчестве о последних временах, по поводу антихриста, он говорит: «Выберут царя. Он будет красив для нечестивцев (Раскольников красив — Н.Е.), а благочестивые его увидят страшно ужасным. Когда в царской мантии он будет ехать на колеснице и дойдет до сада, сойдет с нее и пойдет по саду прогуливаться, размышляя, как ему устроить свое царство, вдруг откроется бездна, появится вода, и из воды как будто кто-то выплеснется, ему покажется, что кто-то у него сзади. Он оглянется назад и увидит страшилище и в испуге крикнет, открыв рот. В этот момент вселится в него бес и с той поры он станет антихристом».¹⁰

Мы видим, что некоторые сцены в романе почти один к одному соответствуют этому предсказанию: это и тема сада, когда Раскольников идет на убийство, делая прожекты о будущем устройении жизни; это и стояние Раскольникова на «горбатом мосту», над темной водой канавы, и «выплеснувшаяся» сзади него утопленница. Все это показывает, на какой опасной грани находится герой, перед какой страшной силой он поставлен один на один. Мы полагаем, что только молитвы его матери и сестры и Сони удерживают его от последнего страшного шага. А другой собрат по несчастью, Свидригайлов, обреченный на безысходное одиночество, такой защиты уже не имеет. В последний день жизни, в последний ее час он также пытается смешаться с толпой, бродит по трактирам, чтобы избыть свое состояние безысходности. Нужно какое-то движение души: «Нет, уж лучше бы какая борьба... поскорее бы опять какой-нибудь вызов, чье-нибудь нападение. Да! Да!» — говорит себе Раскольников.

В XX веке лозунг борьбы, борьбы классов, является отражением внутреннего опустошения, проявлением нравственной деградации носителей разных идеологий, ничего, кроме подобного рода возни, они не могут предложить человеку.

Для Раскольникова таким новым импульсом, выходом, «исходом» — как он это называет, из тесноты своей каморы, из спертости, закупоренности в ней — является борьба. «Надо кончать со Свидригайловым или с

Порфирием... и во что бы то ни стало, как можно скорее: этот тоже (как паук — Н.Е.), кажется, ждет, чтоб я сам к нему пришел!» Он чувствует, что в нем вскипает такая ненависть, что он может их убить. В процитированной фразе используется лексикон нашего будущего вождя — безусловно, между ними есть духовное родство. Стоило Раскольникову подумать о Порфирии, как тот сам отворил дверь. В разговоре Порфирия Петровича с Раскольниковым следователь проявляет незаурядное знание человеческой природы и психологии, временами ему нельзя отказать и в прозорливости. Раскольников, по его характеристике, — человек, хотя и удрученный, но горделивый, властный и нетерпеливый во всем. И несмотря на то, то Порфирий Петрович знает и уверен в совершенном Раскольниковым преступлении, он совершенно искренне почитает Раскольникова за человека наиболее благороднейшего и даже с зачатками великодушия.¹¹ В самой статье Раскольникова он видит смелость, заносчивость, серьезность и умение чувствовать. Ему все это знакомо. Он прекрасно характеризует состояние Раскольникова во время написания статьи: «В бессонные ночи и в исступлении она замышлялась, с подыманием и стуканием сердца, с энтузиазмом подавленным. Опасен этот подавленный энтузиазм в молодежи!.. Я ужасно люблю вообще, то есть как любитель, эту первую юную горячую пробу пера. Дым, туман, струна звенит в тумане. Статья ваша нелепа и фантастична, но в ней мелькает такая искренность, в ней гордость юная и неподкупная, в ней смелость отчаяния; она мрачная статья-с, да это хорошо-с!».

Чувствуется, что сам Порфирий Петрович не чужд таких чувств, иначе бы он не понял своего собеседника и мотивы его преступления. Он понял, что Раскольников страшный боец. Еще одна черта, в характеристике статьи обращает на себя внимание: «А как начали мы тогда эту вашу статью перебирать, как стали вы излагать — так вот каждое-то ваше слово вдвойне понимаешь, точно другое под ним сидит». В подобного рода замечаниях Порфирий Петрович передает чувства и ощущения, которые мы встречаем

потом у Сонечки Мармеладовой. Именно Сонечка заметила, что Раскольников не просто литератор, а создатель нового мрачного катехизиса. Это катехизис приближающегося неумолимого преобразователя, имя которого антихрист. Порфирий Петрович в разговоре с Раскольниковым проявляет себя со многих сторон. Он профессионал своего дела, но он сочувствует пребывающему в заблуждении человеку. Он видит, что Раскольников стал не просто на преступный путь, что его идея может оказаться губительной не только для него одного, но и для многих. Как показала история, его предчувствия подтвердились.

Раскольников заметил, что Порфирий Петрович его «насквозь раскусил». Порфирий хочет помочь Раскольникову, что оказывается очень трудным. Он заводит разговор о страдании. Он отмечает, что дело Раскольникова — «дело фантастическое, мрачное, дело современное; нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое (...) Тут видна решимость на первый шаг, но решимость особого рода — решился, да как с горы упал или с колокольни слетел, да и на преступление словно не своими ногами пришел».

Действительно, преступление Раскольникова не криминальное, а духовное. Это утвердительный ответ на искушение сатаны в пустыне: «с колокольни слетел». Для Порфирия Петровича вся подоплека преступления во всем многообразии мотивов была совершенно ясна. Он отвечает Раскольникову на его вопрос: «Кто убил?» — «Вы убили-с!» И как наш прародитель Адам, павши, прошел через все конвульсии при словах обличения, мы слышим шепот Раскольникова: «Это не я убил!». Как замечает писатель — «точно испуганные маленькие дети, когда их захватывают на месте преступления». Под кустиком Адам смехотворно пытался спрятаться от всевидящего Бога. Убеждение Порфирия Петровича в вине Раскольникова дополняется его четким представлением о состоянии, в котором оно совершилось: «Ваше преступление вроде помрачения какого-то представится, потому, по совести, оно помрачение и есть». Святые отцы

подтверждают, что гордость — это есть род духовного помрачения. В этом состоянии душа легко ввергается в помрачение помыслов, впадает в вихрь страстей. Очень легко попасть в этот водоворот. Достоевский показывает, какой огромной силой наделены страсти, ведущие к гибели человека. Это мы теперь видим и на личных судьбах людей, и на истории целого государства, положившего в основание своего устройства горделивые идеи «лжеименного разума». В результате все это кончается гигантской катастрофой!

Упорство следователя все же немножко присмирило Раскольникова, и автор замечает: «он опять усмехнулся, но улыбка его уже была кроткая и грустная: «Эх, не надо мне совсем вашей сбавки!» Для Порфирия Петровича это и кажется наиболее страшным: что может сделать со своей жизнью нетерпеливый человек!

«Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, — если только веру иль Бога найдет. Ну, и найдите, и будете жить. Вам, во-первых, давно уже воздух переменить надо. Что ж, страдание тоже дело хорошее. Пострадайте. Миколка прав, что страдания хочет. Знаю, что не веруется, — а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, — прямо на берег вынесет... Знаю, что не веруете. А ей Богу, жизнь вынесет. Самому слюбится. Вам только теперь воздуху надо, воздуху, воздуху!».

Достоевский умеет держать своих героев одновременно в разных временных пространствах. Его герой может жить в XIX веке, и при этом тосковать о героических первохристианских временах, может ощущать тяжесть первородного греха, становясь на место прародителя Адама, может делать первый шаг в будущее, на брег спасения. И воздух, о котором он говорит, станет воздухом исцеляющего душу общения со Святым Духом. Интересна реакция Раскольникова: «Что вы-то за пророк? С высоты какого это спокойствия величавого вы мне премудрствующие пророчества

изрекаете?» В такой витиеватой форме на искренние слова может отреагировать только бес, обличенный горячим словом.

«Я поконченный человек¹², чувствующий и сочувствующий, кое-что и знающий, но уж совершенно поконченный. А вы — другая статья, вам Бог жизнь приготовил (...) Ну что ж, что в другой разряд людей попадете? Не комфорта же жалеть... с вашим-то сердцем?.. Долго никто не увидит? Не во времени дело, а в вас самом. Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу, прежде всего, надо быть солнцем... На слово-то мне и не верьте, — это уж мой норов; только насколько я низкий человек и насколько я честный, сами можете рассудить. Вы ведь в ваши теории больше не верите-с? С чем же вы сбежите? Да и что вам в бегах? Там трудно и гадко, а вам, прежде всего, надо жизни и положения определенного, воздуху соответственного. Ну а в бегах — ваш ли там воздух... Страдание, Родион Романович, великая вещь; вы не глядите, что я отолстел, нужды нет, зато знаю; не смейтесь над этим, в страдании есть идея...».

Во всем можно согласиться с Порфирием Петровичем. Опыт самого автора порукой его правоты. Пройдя через испытания и страдания каторги, он вышел на воздух истинной веры и с высоты своего нового положения много послужил делу спасения от темных и властных сил греха. Выходя из каморы Раскольников, Порфирий Петрович замечает о близящейся грозе: «кабы освежило». Нарыв прорывается, рана исцеляется; гроза разражается, воздух освежается. Замечания очень точные. В этой беседе и сам Порфирий Петрович освежается от своей следственной текучки, и в речи своей поднимается до пророческой высоты. Так часто бывает у Достоевского. В следственной ли комнате, в трактире ли, герои его вдруг внутренне распрямляются, и в речи их звучит «высокий глагол».

Раскольников поспешно выходит из каморы. Он спешит отыскать Свидригайлова. В этом человеке таилась какая-то власть над ним, наверное, мистическая, как власть паука над жертвой. Осознав это, Раскольников уже не может успокоиться. В какой-то момент «он чувствовал беспредельную

нравственную усталость». Нравственная усталость, нравственная надломленность, какое-то бессилие в различении добра и зла, бессилие в противостоянии злу — так, наверное, можно понять это состояние героя. Усталость, но и отчаяние потянуло его к Свидригайлову. Может быть, нужен был тут кто-то другой, от которого ожидалось что-то новое, указание, выход.

Наверное, случись эта беда с верующим человеком, он знал бы, к кому идти и где обрести утешение и очищение совести. Однако Раскольникову никто в тот момент, кроме Свидригайлова, не подвернулся... «Соня? Опять просить у нее слез, да и страшна была ему Соня. Соня представляла собой неумолимый приговор, решение без перемены. Тут — или ее дорога, или его... Нет, не лучше ли испытать Свидригайлова: что это такое? И он не мог не сознаться внутри, что и действительно тот на что-то уже давно ему как бы нужен».

В этом признании раскрываются тайники грешных душ, их отталкивание, но при этом и взаимное влечение, некая любовь-ненависть. Сближение общей участью мытарствующих во тьме. В то же время Раскольников достаточно хорошо понимает, чего стоит Свидригайлов. А главное, постигает его замыслы против сестры. Как будто он владеет каким-то органом-локатором, нащупывающим угрозы даже во тьме, даже во сне. Встреча обоих состоялась в трактире. За разговором Свидригайлов вдруг высказывает свои оригинальные наблюдения над Петербургом. Он видит в нем город полусумасшедших, где люди разговаривают сами с собой; редко где найдется столько мрачных, резких, странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния, а это административный центр России, и характер его должен отразиться на всем! Эти рассуждения очень напоминают мысли Раскольникова на Николаевском мосту. Герой ощущает на себе эти мрачные, резкие и странные влияния: «духом немым и глухим» была полна для него панорама блестящей Российской столицы. Не только Сенная, не только канава, но вся столица в целом является источником тяжелого влияния на человека, зарождения

темных губительных помыслов, и поэтому Свидригайлов ниже добавит: «народ пьянствует, молодежь образованная от бездействия перегорает в несбыточных снах и грезах, уродуется в теориях, и все остальное развратничает... Так и пахнул на меня этот город с первых часов знакомым запахом (духота — Н.Е.)». Есть что-то в самом городе паучиное, сети его обволакивают молодые души, порождают фантастические, порой, даже самоубийственные планы, но человек не замечает этих тонких нитей, пока не почувствует, что стал их жертвой.

Свидригайлов — один из людей-масок, окружающих Раскольникова. Герой отмечает какой-то слишком тяжелый и неподвижный взгляд его, взгляд паука на жертву. Почти все персонажи романа высказываются о «черте». Говорит об этой черте и Свидригайлов, о мере, которую безболезненно переступить нельзя: «во всем держи меру, расчет, хоть и, подлый, но что же делать? Не будь этого, ведь этак застрелиться, пожалуй, пришлось бы, хотя согласен, что порядочный человек обязан скучать». Среди многих последствий грехопадения разврат — наиболее опасный, основывающий свое воздействие на человека на праздности; страсть, входящая через праздность, захватывает всю природу человека, через множество помыслов, возникающих в воображении, обрекая его огненному плену. Редко кому удавалось вырваться из него без сугубых подвигов, о чем свидетельствуют жития преподобной Марии Египетской, преподобного Григория Мурина и других.

Среди этой болтовни Раскольников убедился в Свидригайлове как в самом пустейшем и ничтожнейшем злодее в мире. Душным и тяжким становится для него общение, но тем не менее он остается и выслушивает все откровения и наблюдения над сестрой этого паука, сластолюбца, губителя женских судеб. Одно только замечание должно остановить наше внимание: «Мне жаль, — замечает Свидригайлов, — что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь дочерью владетельного князька или там какого-нибудь правителя, или проконсула в

Малой Азии. Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит». Интересно, что столь высокая оценка лучших качеств сестры Раскольниковы полностью оправдалась во вскоре происшедших событиях. Поражает только одно: хорошее знание истории первохристианства в сочетании с поражающей кощунственностью поставленных развратником целей. Для того-то многие кадеты обучались Закону Божьему в своих военных корпусах, чтобы питаться такими кощунственными намерениями. Военная молодежь часто поддавалась влиянию губительному и тлетворному, о чем свидетельствуют судьба и произведения М.Ю. Лермонтова, знавшего эти нравы. Описание Свидригайловым сцен разговоров Дуни с собой — прикинувшимся стремящимся к очищению развратником — не обошлось без кощунственного перифраза Евангельских заповедей блаженства: «Я все свалил на свою судьбу, прикинулся алчущим и жаждущим света». Все это только дополняет общую картину кощунства, плутовства и мерзости, характерной для Свидригайлова. Он замечает о себе, что человек он мрачный и скучный: «вреда не делаю, а сижу в углу», — паучина сама характеристика. Интересно его замечание о Рафаэлевой Мадонне, чье лицо кажется ему фантастическим — «лицо скорбной юродивой». В свете известной любви Ф.М. Достоевского к Рафаэлевой Мадонне в этом замечании есть что-то близкое его сердцу, но еще более интересным это замечание должно быть для Раскольникова, который не раз размышляет о юродстве и причисляет Сонечку к юродивым. Временами Свидригайлов в разговоре ерничает, излагая свою житейскую философию: «всяк об себе сам промышляет и всех веселей тот живет, кто лучше всех себя сумеет надуть... Ха-ха! Да что вы в

добродетель-то так всем дышлом въехали... Я человек грешный, хе, хе, хе! — детей я вообще люблю, я очень люблю детей, — как-то захохотал Свидригайлов». По ходу разговора откроется вся особенность этой его любви к детям. Разговор между ними становится все грубее и насмешливее. Раскольников подозревает Свидригайлова в злых намерениях и потому старается не отступать от него ни на шаг.

Между ними в дороге происходит напряженный диалог, в котором Свидригайлов бросает Раскольникову по поводу совершенного им преступления: «Объясните, ради Бога, голубчик! Просветите новейшими началами!» — словно бесы собрались, чтобы поделиться новинками в своих пагубных делах. Другой раз Свидригайлов обличает Раскольникова в отсутствии эстетики в совершенном преступлении, кричит ему: «Шиллер-то в вас смущается поминутно... Если же убеждены, что у деверей нельзя подслушивать, а старушенок можно лущить чем попало, в свое удовольствие, так уезжайте куда-нибудь в Америку! Бегите, молодой человек...».

В контексте дальнейшего создается впечатление, что Свидригайлов провоцирует самоубийство Раскольникова, ведь для него Америка — эвфемизм самоубийства. Свидригайлов в насмешку бросает своему оппоненту-идеологу: «Какие у вас вопросы в ходу?... Нравственные, что ли, вопросы гражданина и человека? А вы их по боку; зачем они вам теперь-то? Хе-хе! Затем, что все еще и гражданин и человек? А коли так, так и соваться не надо было. Нечего не за свое дело браться. Ну, застрелитесь; что, аль не хочется?» Порфирий Петрович тоже в пылу последней беседы бросает несколько похожих фраз: «Убил, а сам в ангелах ходит». Только Порфирий Петрович ставит своим обличениям совсем другие, не губительные, цели: злая ирония Свидригайлова становится понятной. Он как бы стремится спустить молодого человека с неба на землю и, садясь в коляску, он бросает намекающую фразу: «кажется дождь надвигается, ничего, спустим верх», то есть сделаем движение сверху вниз, небо уроним. Глубокое отвращение влекло Раскольникова прочь от Свидригайлова. Он досадует на себя, что мог

чего-нибудь ожидать от этого грубого злодея, от этого сладострастного развратника и подлеца. Хотя он и сам отмечал в нем нечто: некоторую оригинальность, если не таинственность. Очень беспокоило Раскольникова намерение Свидригайлова по отношению к сестре, но он отмахивается от этой думы. «По обыкновению своему, он, оставшись один, уже с двадцати шагов впал в глубокую задумчивость. Зайдя на мост, он остановился у перил и стал смотреть на воду, а между тем над ним стояла Авдотья Романовна. Он повстречался с нею при входе на мост, но прошел мимо, не рассмотрев ее. Дунечка еще никогда не встречала его таким на улице и была поражена до испуга. Она остановилась и не знала: окликнуть его или нет?».

Раскольников движется, как лунатик, погруженный в себя. Он уже был не раз на этом мосту. Здесь он видел утопленницу, перешагнувшую через перила, как будто свою огрузлую душу, бухнувшуюся в темную воду. Мост, как коромысло весов, взвешивающее нашу жизнь между двух берегов, между добром и злом, между жизнью и смертью, между вечностью с Богом или с сатаной. Сама канава предстает здесь как мифическая река Стикс, текущая на границе царства мертвых. Мост — это пространство между небом и землей. Какое-то ощущение невесомости появляется у смотрящего сверху вниз. Не слышал ли в это время Раскольников соблазн сатаны: «бросься отсюда вниз», то есть обрати на себя сугубое внимание, тебя подхватят ангелы, за тобой пойдут толпы и целые народы, откроется твой талант для всей вселенной. Но мост — это подобие радуги, говорящей о союзе земли с небом, о пути примирения с Богом. Наверное, Раскольников тогда обо всем этом думал, склонившись на перила: переносить ногу через эту черту или же удержаться. Дрейфующая, некогда привидевшаяся полуутопшая, душа его, в бездне греховной все же пробилась к свету, хоть слегка отогрелась в объятиях Сонечки. И он почувствовал, как душа его размягчилась, обрела жизнь, как младенец в утробе материнской. И писатель одной лишь фразой открывает возможность надежды: «Над ним стояла Авдотья Романовна». Если злодей Свидригайлов давал ей столь высокую характеристику, то мать, Пульхерия

Александровна, прямо так и называет ее ангелом. Раскольникову в эту минуту было очень важно почувствовать за спиной такого ангела-хранителя. Через несколько минут Дуня встретится со Свидригайловым, бросится безоглядно навстречу опасности ради того, чтобы спасти своего брата от рук злодея и шантажиста. Дуня пренебрегла предосторожностями из гордости, но и другое, несоизмеримо большее страдание, чем страх за себя, было в ее сердце. Встреча между Авдотьей Романовной и Свидригайловым происходит «на острие ножа». На карту поставлены честь ее брата, его жизнь, ее собственная честь, Свидригайлов сплел для нее такие ухищренные сети, что если бы не ее целомудренность и святая прямота, то она бы не справилась с ним. Иной надежды у нее нет. Перед ней сидит циник и подлец, который вещает: «У нас в образованном обществе особенно священных преданий ведь нет, разве кто как-нибудь себе по книгам составит... или из летописей что-нибудь выведет». Но это в своем роде все колпаки, так что светскому человеку даже и неприлично. Свидригайлов хорошо понимает причины преступления Раскольникова, как и причину его неудачи: «а перешагнуть, не задумываясь, не оглядываясь, не сумел». Все более и более разгораясь при виде беззащитной, до безумия любимой девушки, он твердит: «Все от вас, от вас одной зависит!» Посул за посулом слышится из его лживых уст: «Я все сделаю! Я невозможное сделаю! Чему вы веруете, тому и я буду веровать!» Последняя фраза лживо бесовская. Во что может верить этот человек, когда он со своей любимой женщиной обращается, как паук с мухой? Как часто в романе из уст Раскольникова раздается это восклицание: «вошь, тварь дрожащая!» Для Свидригайлова его родная сестра Дуня и есть такая вошь. За спиной Свидригайлова молчит ее брат, его собрат по идее, по духу, по растленности своей. Святые отцы говорят: самое трудное — достигнуть молчания, и за каждое праздное слово мы будем нести ответственность на Страшном Суде. Сегодня вошь — старуха-процентщица, а завтра твои мать и сестра окажутся в руках какого-нибудь чудовища, а ты и рукой не сможешь

пошевелить для их спасения. Придет день и час, когда Раскольников все это поймет. Ну, а сейчас битва продолжается.

Свидригайлов опомнился. «Злобная и насмешливая улыбка медленно выдавливалась на дрожавших еще губах его». Так однажды у Раскольникова в беседе с Соней выдавливалась такая же злобная и насмешливая улыбка на губах. Грехопадение их сроднило, и дьявол проглядывает в их губах.

Из этих извивающихся, как змеи, губ Дуня слышит шепот искушения. Свидригайлов, как змей при грехопадении, все стремится обустроить так, как он говорит: «На совести вашей ровно ничего не останется, если бы даже... если бы даже вы и захотели спасти вашего брата добровольно, так, как я вам предлагаю. Вы просто, значит, подчинились обстоятельствам, ну силе, наконец... Я же буду ваш раб... всю жизнь». Слыша эти речи, вспоминаешь об изощренной казуистике, которой Раскольников успокаивал свою совесть перед преступлением.

Авдотья Романовна оказалась крепким орешком, и в безнадежных обстоятельствах она прибегает к помощи револьвера. Этот пистолет принадлежал покойной Марфе Петровне. Он может сделать три выстрела. Причастными к этой драме оказываются трое, и в руках Дуни это оружие становится орудием мщения против Свидригайлова, как карающий меч, вознесенный над подлецом, развратником и мерзавцем. Но это сражение происходит не только на уровне оружия, это сражение духовное: «Огонь, сверкнувший из глаз ее в ту минуту, словно обжег его, и сердце его с болью сжалось».

Проливается кровь. Для Дуни это было тягчайшим испытанием — стрелять в человека, но не ради себя одной она выступила на этот бой. Она выступила на защиту своего брата. В какие барабаны, в какие колокола нужно звонить, чтобы пробудить, вернуть к жизни окаменевшее сердце человека. В тот момент, когда второй выстрел в Свидригайлова не удался, Дуня отбрасывает револьвер.

«Бросила! — с удивлением проговорил Свидригайлов и глубоко перевел дух. Что-то как бы разом отошло у него от сердца, и, может быть, не одна тягость смертного страха; да вряд ли он и ощущал его в эту минуту. Это было избавление от другого, более скорбного и мрачного чувства, которого бы он и сам не мог во всей силе определить».

Этот выстрел пробудил Свидригайлова от духа глухого и немого, пусть не на долго Господь совесть его пробудил, но этого мгновения хватило Дуне, чтобы она спаслась и выбежала из комнаты. Свидригайлов еще пытался обнять ее: «Прошло мгновение ужасной немой борьбы в душе Свидригайлова. Невыразимым взглядом глядел он на нее. Вдруг он отнял руку, отвернулся, быстро отошел к окну и стал пред ним».

Для него все было теперь кончено. Он, казалось, все так устроил, что должно было получиться. И даже ее собственного брата он сделал своим союзником, «узнав его тайну и, таким образом, получив над ним власть, он захочет употребить ее как оружие против других». Но все эти ухищрения, все эти орудия оказались бессильными против духовной силы Авдотьи Романовны. Чувствуя непреодолимость этой силы, Свидригайлов отходит к окну. Плакал ли он, или на лице его была гримаса страшной внутренней борьбы, но когда он поторопил Дуню, в его «скорей» прозвучала какая-то страшная нотка. Вырастая в его глазах, Дуня одновременно становится окончательно недостижимой. Кончена жизнь. Пулей из пистолета, который она держала в своих руках, он убьет себя.

Как часто человек задает себе вопрос, что или кто помог избежать смертельно опасных обстоятельств? Сонечка вскричала Раскольникову: «Бог не допустит!» Не допустил Бог позора Дуни. За ее спиной как будто вырастают крылья: «через минуту как безумная, не помня себя, выбежала она на канаву и побежала по направлению к мосту».

«Странная улыбка искривила лицо Свидригайлова, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаяния... он посмотрел на кровь со злобою». В это время он увидел револьвер. «В нем осталось еще два заряда и один капсюль.

Один раз можно было выстрелить. Он подумал, сунул его в карман, взял шляпу и вышел».

В последний свой день Свидригайлов пытается свое тошнотворное состояние безысходности избыть шатанием по разным трактирам и клоакам, словно продолжая свой начатый путь по мытарствам в темноте. Даже песенка, которую он слышит, напоминает ему о только что происшедшем событии: «как кто-то, "подлец и тиран", начал Катю целовать!»

Душный мрачный вечер заканчивается страшной грозой, которая обрушилась на город. «Молния сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти раз в продолжение каждого зарева». Как будто в этом описании писатель пытается напомнить Свидригайлову о страшном суде.

Вернувшись домой, Свидригайлов собрал все свои деньги, затем вошел в комнату Сони, которую он застаёт за чаепитием, она угощает детей Капернаумовых. Мы уже указывали на то, что комнатка Сони являет собой образ катакомбы, и дети еврея портного за столом у Сони напоминают о теме Сретения — встречи двух Заветов — Ветхого и Нового. Но вот в комнату входит представитель третьего «завета», «завета» не с Богом, а с антиподом Его. И дети с ужасом бросаются вон из комнаты. Что они почувствовали в этом мрачном и мокром человеке? Его преступную натуру и дела гибели, а, может быть, его план самоубийства. Раскольников и Свидригайлов являются соавторами в создании казуистики самооправдания, в котором нет даже тени угрызений совести.

Заговорили о Раскольникове. Свидригайлов одобрил Соню за то, что она учила его на себя донести. «Это ему будет гораздо выгоднее». Соне будут предстоять многие хлопоты, и Свидригайлов предлагает ей деньги. «Давая вам, я все равно, что ему даю. Родиону Романовичу две дороги: или пуля в лоб, или по Владимирке». Так всё и произойдет, а куда же пойдет Аркадий Иванович Свидригайлов? Аркадий в переводе с греческого «из местности Рая», иронически он свой уход определяет эвфемизмом «я в Америку собираюсь», часто и другим он рекомендует в Америку

отправиться. «Он вышел, оставив Соню в изумлении, в испуге, в каком-то неясном и тяжелом подозрении». Слишком подозрителен этот рай Свидригайлова, за ним рисуется страшный конец.

«Ровно в полночь он уже переходил через Тучков мост на Петроградскую сторону. Дождь перестал, но шумел ветер. Он начинал дрожать и с минуту с каким-то особенным любопытством даже с вопросом посмотрел на черную воду Малой Невы. Но вскоре ему показалось очень холодно стоять над водой; он повернулся и пошел на ... проспект». Знакомая сцена. Размышления на мосту, черная вода, которая на этот раз никого не затянула, хотя и напомнила о душе, погрязшей во грехе, глубоко затянутой во мрак. В церкви часто упоминается о людях и «сущих в море далече». Все мы причастны к этому странствованию, но каждый из нас стремится найти пристанище надежное в житейских бурях, и отрадой для нас звучит колокол, призыв на молитву. С высоты Тучкова моста Свидригайлов так и не сумел увидеть близ стоящий прекрасный храм святого благоверного князя Владимира, что находится совсем рядом на Петроградской стороне. Безучастно прошел он и мимо небольшой часовни на углу Большого проспекта, а ведь они стоят здесь как напоминание и призыв к возвращению. Путь Свидригайлова направлен прочь. Где-то в конце проспекта он ищет какую-то гостиницу с названием что-то вроде «Адрианополя», начальные буквы названия которой слагаются в «ад». Здесь ему придется провести в кошмарах страшную ночь в какой-то страшной, душной и тесной камере в конце коридора в углу под лестницей, в какой-то паучиной норе, похожей на привидевшуюся ему баньку по черному, кишашую пауками. Мысли и образы мнутся в его сознании. За окном шумят деревья. Здесь, наверное, какой-нибудь сад: «Как я не люблю шум деревьев ночью, в бурю и в темноту, скверное ощущение... Вспомнилось, как было ему холодно, как давеча он стоял над водой. Никогда в жизнь мою не любил я воды, даже пейзажа...» Казалось бы, одно движение, и вот уже черта, отделяющая жизнь от смерти, в полете преодолевается, при таком искушении мы ведь заставляли и

Раскольникова. Трагическое сближение двух разных персонажей. «Кажется, теперь бы должно быть все равно насчет всей этой эстетики и комфорта, а тут-то именно и разборчив стал, точно зверь, который непременно место себе выбирает... в подобном же случае, — думает Свидригайлов, — ведь вот, Марфа Петровна, вот бы теперь вам и пожаловать, и темно, и место пригодное, и минута оригинальная. А ведь вот именно теперь-то и не придете...». Создается впечатление, что Марфа Петровна так и проводит его до последней черты, а сам он уподобляет себя зверю, ведомому на заклание, какая-то темная сила, наверное, стоящая сзади него, ведет его к окончательной гибели. Вспомнился ему последний разговор с Раскольниковым. «А шельма, однако ж, этот Раскольников! Много на себе перетащил. Большой шельмой может быть со временем, когда вздор повыскочит, а теперь слишком уж жить ему хочется! Насчет этого пункта этот народ — подлецы...». Все чаще Свидригайлов чертыхается, как будто ощущает близость невидимо обступающих его бесов. Что он хотел сказать про Раскольникова: «много на себе перетащил»? такое создается впечатление, что имеется в виду «много на себя бесов понацеплял»... Оценка героя у Свидригайлова другая, чем у Порфирия. Перспективы открываются ему большие, но перспективы большой шельмы, наверное, продолжателя его дел.

Что пытался уловить Свидригайлов в Авдотье Романовне — телом ли ее овладеть, но и душу ее погубить. «А сколько я ей давеча наобещал! — вспоминает он, чертыхаясь. — А ведь, пожалуй, и перемолола бы меня как-нибудь»... Словно уготовил ей участь несчастной Марфы Петровны. Он вспомнил, как ему в то мгновение точно жалко ее стало, как бы сердце сдавило ему... Гибнущее судно при большой волне стремится сбрасывать груз с борта, так и Свидригайлов пытается сбросить все мысли, воспоминания и впечатления последних дней.

Войдя в гостиничную камору, он заказывает себе поесть и просит чаю. Принесли чай и телятину. Чай он быстро выпивает, но от еды отказывается.

Ложится на грязную кровать и пытается уснуть. Но сон не дается ему. Ему постоянно что-то мерещится. Телятина лежит на столе. «Телец упитанный» — трапеза, предложенная отцом на встрече блудного сына. Свидригайлов от этой трапезы отворачивается, как и от всех других напоминаний, спасительных для его души. Трапеза оставляется существам, нечистым... «Но в одно мгновение почувствовал, как что-то вскочило ему за пазуху, шоркает по телу и уже за спиной под рубашкой». По свидетельству святых отцов под видом разных искушений приходят к человеку существа нечистые и мерзкие: змеи, мыши, пауки, тараканы. «В комнате было темно, он лежал на кровати, закутавшись, как давеча, в одеяло, под окном выл ветер. "Экая скверность!" — подумал он с досадой». «Как будто он впадал в полудремоту. Холод ли, мрак ли, сырость ли, ветер ли, завывавший под окном и качавший деревья, вызвали в нем какую-то упорную фантастическую склонность и желание, — но ему все стали представляться цветы». Как жителю некоей Аркадии, райских обителей. Он видит прекрасный праздничный день, день Святой Троицы, день единения апостолов, день начала всемирной проповеди, ликование жизни... «Кругом цветы... полы были усыпаны свежее накошенной дуплистой травой, ... окна были открыты, свежий легкий прохладный воздух проникал в комнату, птички чирикали под окнами». Картина возрожденного рая, манящая своей чистотой, красотой и свежестью... Но посреди залы стоял гроб, вся в цветах лежала в нем девочка в белом тюлевом платье... Волосы ее были мокры... Строгий профиль ее лица был тоже как бы выточен из мрамора, но улыбка на бледных губах ее была полна какой-то недетской, беспредельной скорби и великой жалобы. Свидригайлов знал эту девочку». «Ни образа, ни зажженных свечей не было у этого гроба и не слышно было молитв. Эта девочка была самоубийца-утопленница. Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило, себя, оскорбленное обидой, ужаснувшейся и удивившейся это молодое, детское сознание, залившее незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшее последний крик отчаяния,

не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель; когда выл ветер...».

Вся картина поражает своей красочностью, светом, пронзительностью, но и страшной контрастностью. Торжество вечной жизни и картина страшной, абсолютной смерти, гибель маленькой Офелии, сокрушительный диссонанс на фоне звучавшей гармонии.

Первое впечатление: этот сон — улика далеко потаенного преступления Свидригайлова, обозначено даже, при каких обстоятельствах совершенного. Но это прообраз отягченной грехом души, лежащей на самом дне отчаяния. Вместо рая — преисподний ад. Не раз отмечается в романе — убить другого значит убить себя, так говорит о себе Раскольников: «Я не старуху убил, я себя убил». Свидригайлов вглядывается в черты лежащей во гробе девочки. Он ее знает. Но не ее ли как часть самого себя хоронит он при этой встрече! Самоубийца хоронит свою душу, предает ее окончательно гибели: ни образа, ни зажженных свечей не было у этого гроба и не слышно было молитв. В комнате, где совершил свое преступление Раскольников, уже не было киота, не было зажженных свечей, не было и молитвы. Приуготовляя великое будущее России, они обрекали ее на дело погибельное... За этим деянием стоит абсолютный вызов Богу. Свидригайлов готовится к его исполнению. «За окном каморы было что-то вроде сада, тоже увеселительного... Теперь же с деревьев и кустов летели в окно, открытое Свидригайловым, брызги, было темно, как в погребке, так что едва можно было различать только какие-то пятна, обозначающие предметы. Пять минут смотрел он, не отрываясь, в эту мглу, нагнувшись и опираясь локтями на подоконник». Создается впечатление, что мы возвращаемся к первым дням творения, к моменту, когда еще не было света, не было предметов, четких их форм, и мир стоял на грани выбора, быть ему или не быть. Свидригайлов стоит, нагнувшись, в его позе подобие поклона, о котором, наверное, мечтал сатана, искушая Христа в пустыне. Свидригайлов соучаствует в возвращении мира в небытие.

«Среди мрака и ночи раздался пушечный выстрел, за ним другой. — А, сигнал, вода прибывает, — к утру хлынет, там, где пониже место, на улицы...» К городу подступает наводнение. Когда Адам совершил свое грехопадение, он погубил не только себя как человека, но и все мироздание, которое было вверено ему Богом в соправительство. Утопающая душа Свидригайлова вместе с собой тянет на дно весь город, потопляя его в водах нового потоп.

«А который-то теперь час?» — и только что подумал он это, где-то близко, тикая и как бы торопясь изо всей мочи стенные часы пробили три. Свертывается суша, как предсказано в Апокалипсисе, сокращается и время... до света. «Самая лучшая минута, нельзя лучше и выбрать!» Когда он проходит по длинному и узкому коридору как бы вымершего мира и хочет уже громко крикнуть, «вдруг в темном углу, между старым шкафом и дверью, разглядел какой-то странный предмет, что-то будто бы живое. Он нагнулся со свечой и увидел ребенка». Личико девочки бледное и изнуренное. Она окостенела от холода, но как же она попала сюда? Значит, она здесь спряталась, и не спала всю ночь. Вспомним уверения Свидригайлова, как он любит детей. Он, вроде бы, и позаботился об этом несчастном ребенке. Положил ее в свою постель, накрыл, закутал в свое одеяло, дал ей заснуть, но опять угрюмо при этом задумался. «Вот еще вздумал связаться! — решил он вдруг с тяжелым и злобным ощущением. — Какой вздор!» По ходу чтения романа мы неоднократно задаем себе вопрос, как уживаются какие-то добрые поступки у Раскольникова, у Свидригайлова с их преступной натурой. У святых отцов мы находим ответ: подвижник Оптиной пустыни иеромонах Никон (Беляев), последний из плеяды Великой пустыни в своем завещании духовным детям в главе «О хранении себя от добра, принадлежащего естеству человеческому», пишет: «Доброе дело не есть всякое доброе дело, а лишь такое доброе дело, которое делается ради Бога. Внешность дела не есть его сущность. Бог зрит на сердце. Как должны мы смириться, видя, что ко всякому делу примешивается страсть». «Грех,

прикрытый личиною добра, подкрадывается и повреждает души не поверяющих себя Евангелием, евангельское добро требует самоотвержения. Человек был создан Богом благим и непогрешимым. Личиною добра, оставшегося в падшем естестве, враг и старается всех отвлечь от Христа, доказывая злохитро, что падшее добро есть единственное добро, ибо оно таким и кажется тому, кто не знает учения Христова. Кто, несмотря на все обольщения врага, будет держаться евангельского учения, тот должен неизбежно пережить борьбу внутри себя»¹³. Этим поучением обличаются все надежды Раскольникова, собирающегося стать благодетелем рода человеческого, переступая через заповеди Христовы; все благодеяния Свидригайлова, да и вся практика благотворительности, не осененная светом Евангелия, особенно в наши дни. То, что в падшей человеческой природе доброе начало смешано со страстью, прекрасно иллюстрирует и продолжение сна Свидригайлова: «Эх, девчонка! — подумал он с проклятием, уже растворяя дверь, но вернулся еще раз посмотреть на девочку, спит ли она, и как она спит?» Картины одна страшнее другой, картины страшного растления, которое проходит через все и вся, не жалеет никого, как бы истекает из самой натуры сладострастного Свидригайлова... «Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе, в этих глазах, во всей этой мерзости в лице ребенка». Мерзость запустения. Образ вселенской блудницы проступает в этом страшном кошмарном эпизоде. «А, проклятая! — вскричал в ужасе Свидригайлов, заноса над ней руку»... Достоевский рисует картину вселенского падения, и Свидригайлов и наблюдатель, и участник этого падения. Поэтому так трудно отделить реальность от нереального. Картина ли это действительно имевшего место преступления, растления? В сне Раскольникова мы встречаем те же улики, в такой же щели между шкафом и дверью, живые и неистребимые. Но у Свидригайлова эти улики обличают его внутреннее состояние, состояние погубления души через последовательные ступени растления. Как в предыдущем сне диссонансом свету, раю предстает гроб девочки,

погубленной поруганной, так и здесь: пятилетний ребенок — в мерзости разврата. Что предложит на Страшном Суде человек, прошедший таким путем, как Свидригайлов?

«Кошмар во всю ночь! — Он злобно приподнялся, чувствуя, что весь разбит; кости его болели. На дворе совершенно густой туман и ничего разглядеть нельзя». Мытарства продолжались. «Он встал и надел свою жакетку и пальто, еще сырые». Такое впечатление, что Свидригайлов вышел из воды, как возвращенный к жизни утопленник, но в кармане его револьвер (он вынул его и поправил капсюль), приготовлена пуля, которая еще недавно могла быть послана в него Дуней. Далее он делает все обстоятельно, а именно: вынул из кармана записную книжку и на заглавном, самом заметном листке, написал крупно несколько строк — вполне в соответствии с инструкцией Порфирия Петровича, данной Раскольникову при расставании. Перечитав свои строки, он задумался, облокотясь на стол. О чем мог думать такой человек у последней черты: о прожитой жизни, о каких-то своих делах, а, может быть, все-таки у него проснулась мысль о молитве... но проснулись мухи, которые лепились на нетронутую порцию телятины, стоящую тут же на столе. Он долго смотрел на них. И, наконец, свободною правою рукой начал ловить одну муху. Вместо крестного знамения в последнюю минуту Свидригайлов в праздности истощался в усилиях поймать ее. «Наконец, поймав себя на этом интересном занятии, очнулся, вздрогнул, встал и решительно пошел из комнаты. Через минуту он был на улице».

«Ему мерещились высоко поднявшаяся за ночь вода Малой Невы, Петровский остров, мокрые дорожки, мокрая трава, мокрые деревья и кусты и, наконец, тот самый куст» (некое иудино дерево). «Город как будто вымер. Ни прохожего, ни извозчика не встречалось по проспекту. Уныло и грязно смотрели ярко-желтые деревянные домики с закрытыми ставнями». В произведениях Достоевского при описании разного рода бытовых картин, связанных с жизнью персонажей, чаще всего доминирует желтый цвет.

Желтый цвет обоев, а здесь вот домики, как-то странно все они выглядят, оставляя впечатление однообразное, унылое, «грязное».

Изредка Свидригайлов натывался на лавочные и овощные вывески и каждую тщательно прочитывал. Раскольников проявит подобный же интерес в ту минуту, когда ему придется отправляться в дальний путь. Это, наверное, свойство каждого человека, отправляющегося из привычного мира далеко, а, может быть, и навсегда. Грязная издрогшая собачонка с поджатым хвостом перебежала ему дорогу. О, бедный Фауст, узревший в подобном виде свою последнюю мечту. Мученик Трифон однажды по просьбе императора Клавдиана, желавшего увидеть сатану, после длительного поста совершил для императора это откровение: после глубокой молитвы глазам изумленного императора и его свиты предстала грязная, издрогшая и обовшивленная собачонка с поджатым хвостом.

Какой-то мертво-пьяный в шинели, лицом вниз, лежал поперек тротуара. Мы уже отмечали значимость этой позы в романе. Так являлся вове образ души Раскольникова. Здесь мы видим всю мерзость состояния души Свидригайлова. Перед смертью его глаза так и не задержались ни на чем духовно спасительном. И он снова не увидел так легко просматривающегося с этой точки Владимирского собора.

«Высокая каланча мелькнула ему влево. Ба! — подумал он. — Да вот и место, зачем на Петровский? По крайней мере, при официальном свидетеле. Он чуть не усмехнулся этой новой мысли и поворотил в ... улицу. Тут-то стоял большой дом с каланчей. У запертых больших ворот дома стоял, прислонившись к ним плечом, небольшой человек, закутанный в серое солдатское пальто и в медной ахиллесовой каске. Дремлющим взглядом, холодно покосился он на подошедшего Свидригайлова. На лице его виднелась та вековечная брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени. Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени молча, рассматривали один другого». Свидригайлов выбирает присутственное место — пожарную каланчу, но при

этом надо отметить несколько деталей: он останавливается у запертых больших ворот — каждого умершего человека встретят врата Ада или Рая. Врата Рая для него закрыты, и на страже их стоит человек иудейского племени, племени апостола Петра. Но Свидригайлову видится в нем и Ахиллес, представитель эллинско-римского мира, мира тех самых гонителей христианства, подвергших мученичеству многих и многих людей, среди которых Свидригайлов почти видел и Авдотью Романовну. Он знал, что она бросит вызов ложным богам, не опасаясь никаких страданий и мук. За что мог страдать Свидригайлов? В душе его не осталось и капли веры. С христианством покончено, словно хочет он сказать на глазах оторопевшего Ахиллеса. «Он вынул револьвер и взвел курок». Ахиллес приподнял брови. «Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку». Свидригайлов спустил курок.

Жизнь, законченная, как водевиль. Но за этим выстрелом стояло страшное предание души на адовы муки, о которых многие писали, где в глубине Ада души нераскаянных грешников отдаются в снедь сатане, там «плач и скрежет зубовный». Таков финал водевиля, где смеху места нет.

Но мудрый вождь тащил меня все дале, дале —

И камень приподняв, за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в повале.

Тогда я демонов увидел черный рой,

Подобный издали ватаге муравьиной —

И бесы тешились проклятою игрой...

А.С. Пушкин. Подражание «Аду» Данте.

Удивительное фактическое сходство: камень, уже знакомый нам, под ним Раскольников спрятал драгоценности, погреб, подвал, тьму которого видит Свидригайлов из окна гостиницы, и «проклятая игра», которая в молодые годы кормила Свидригайлова-шулера.

Скандалное самоубийство Свидригайлова — это действительно путешествие, кончающееся небытием. Он это называет «отъездом в

Америку». Последние часы, проведенные в камере гостиницы «Адрианополь», похожей на нос корабля, ветер в окно, страшные галлюцинации, сны делают Свидригайлова похожим на Летучего Голландца, которому нет покоя ни на том, ни на этом свете. Публичным актом своего самоубийства Свидригайлов объявляет начало нового закона, противостоящего Новому и Ветхому Заветам. Он мнит себя апостолом и провозвестником нового бога Антихриста, на встречу которого он отправляется в низины ада, но там ждет его лишь мгла небытия:

— Что кипит в котле?

— Фауст, ха, ха, ха,

— Посмотри — уха,

— Погляди — цари.

— О, вари, вари!...

Эту страшную ночь без сна провел и Раскольников: «Костюм его был ужасен: все грязное, пробывшее всю ночь под дождем, изорванное, истрепанное. Лицо его было почти обезображено от усталости, непогоды, физического утомления и чуть не суточной борьбы с самим собою. Всю ночь провел он один, Бог знает где. Но, по крайней мере, он решился». Изумленная мать встречает его, мать, которая не чаяла в нем души, которая так и не сумела вникнуть в суть его страшной статьи. Но сердцем сумевшая понять, что с ним творится что-то неладное. Раскольников попросил у матери посмотреть статью. Но «прочитав несколько строк, он нахмурился, и страшная тоска сжала его сердце. Вся его душевная борьба последних месяцев напомнилась ему разом. С отвращением и досадой отбросил он статью на стол».

Знакомое нам по Пушкину состояние:

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,

Теснится тяжких дум избыток.

Воспоминание безмолвно предо мной

Свой длинный развивает свиток;

И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Как после этих строк странно слышать похвалы матери, по слепоте любви — тщеславные похвалы сыну: «Родя, ты весьма скоро будешь один из первых людей, если не самым первым в нашем ученом мире. И смели они про тебя думать, что ты помешался. Ха-ха-ха! ... Ах, низкие червяки, да где им понимать, что такое ум. Я, Родя, дней шесть-семь назад убивалась, смотря на твоё платье, как ты живешь, что ешь, в чем ходишь. А теперь вижу, что опять-таки глупа была, потому захочешь, все теперь себе сразу достанешь, умом и талантом. Это ты покамест, значит, не хочешь теперь и гораздо важнейшими делами занимаешься...». Материнская слепота, наивность сделала из сына кумира. На этой ниве и вырастает гордость Раскольникова, его самопревозношение над людьми. Наверное, материнскими словами, только не червяками, а вошью, обзывает он презираемых людей. Мать помнит его еще добрым, ласковым, чувствительным ребенком, долгое время жившим с матерью одной душой; помнит, как, сближенные смертью отца, они приходили вместе на его могилку и плакали. Где-то в тайниках души Раскольников продолжает таить эти воспоминания. Но сейчас наступило другое время. Он прощается с матерью и просит ее об одном... «Вы станьте на колени и помолитесь за меня Богу. Ваша молитва, может, и дойдет. — Дай же, я перекрещу тебя, благословлю тебя! Вот так, вот так. О Боже, что это мы делаем!»

«Да, он был рад, он был очень рад, что никого не было, что они были наедине с матерью. Как бы за все это ужасное время разом размягчилось его сердце. Он упал перед нею, он ноги ей целовал, и оба, обнявшись, плакали. И она не удивлялась и не расспрашивала на этот раз. Она уже давно понимала, что с сыном что-то ужасное происходит, а теперь приспела какая-то страшная для него минута. Раскольников пошел к дверям, но она ухватилась

за него и отчаянным взглядом смотрела ему в глаза. Лицо ее исказилось от ужаса». Он уже раскаивался, что пришел сюда один, но это было прощание навсегда. Вскоре он оказался уже на улице и пошел в свою квартиру. Все дела надо было закончить до заката. Он спешил, но, поднявшись в свою квартиру, он замер на пороге. В комнате его ждала Дуня. Ужас и неутолимая скорбь были в ее взгляде, и он понял сразу, что ей все известно. «Что же, мне входить к тебе или уйти? — спросил он недоверчиво».

Раскольников останавливается на пороге как на границе двух пространств, невидимо разделенных между собою. Целая жизнь, которая была до того, и жизнь, которая будет после. Ему еще не ясно, как относится к нему Дуня, и в процессе разговора он не раз недоверчиво смотрит на нее, рассказывая о том, что было с ним ночью: «Я хотел окончательно решиться и много раз ходил близ Невы; это я помню. Я хотел там и покончить, но... я не решился... — прошептал он. ... — Слава Богу! А как мы боялись именно этого, я и Софья Семеновна! Стало быть, ты в жизнь еще веруешь: слава Богу, слава Богу!». Не странно ли, что в этот час сурового испытания Раскольников все чаще слышит слова о Боге, но душа его изнемогла и жила теперь только любовью и молитвами близких и любящих его людей. «Раскольников горько усмехнулся. — Я не веровал, а сейчас вместе с матерью, обнявшись, плакали; я не верую, а ее просил за себя молиться. Это Бог знает, как делается, Дунечка, и я ничего в этом не понимаю».

Раскольников еще не понимал, что это было началом его исхода из тьмы мытарств к свету. Мучительно и трудно будет проходить этот его исход. Слишком страшные и могучие силы удерживали его в невидимых мытарствах, в его помрачении. Человеческих сил на их преодоление у него не было, а оставалось только прибегнуть к силам, превышающим человеческие возможности. Нужно было обратиться к Богу. Раскольников все еще продолжает считать себя низким человеком, видя свою слабость и немощь, но ему возражает Дуня: «Низкий человек, а на страдания готов идти! Ведь ты идешь же? — Да, чтоб избежать этого стыда, я и хотел

утопиться, Дуня, но подумал, уже стоя над водой, что если я считал себя до сей поры сильным, то пусть же я и стыда теперь не убоюсь. ... Это гордость, Дуня? — Гордость, Родя!».

Как много пострадал Раскольников от своей гордости, какая это сильная страсть! Вот и сейчас при этих словах «как будто огонь блеснул в его потухши глазах; ему точно приятно стало, что он еще горд». Дуня не замечает, что в этом блеске тлеет тот же уголек, что и у одержимого страстью Свидригайлова, так испугавший ее когда-то. Он и продолжает еще мучить сестру: «А ты не думаешь, сестра, что я просто струсил воды? — спросил он с безобразною усмешкой, заглядывая в ее лицо». Он все еще продолжает играть свою дьявольскую игру. «О, Родя, полно! — горько воскликнула Дуня». С мучением смотрела она на него, крупные слезы текли по ее щекам. Она крепко обнимает его, но пропасть между ними так и не исчезает. Он так и не знает, для чего он идет предавать себя. «Разве ты, идучи на страдание, не смываешь уже вполовину свое преступление? — вскричала она, сжимая его в объятиях и целуя его». Как только Родиона Романовича похвалили, гордость его опять вздыбилась, и в нем вскипело бешенство: «Преступление? Какое преступление? То, что я убил гадкую, вредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? Не думаю я о нем, и смыывать его не думаю... Только теперь вижу ясно всю нелепость моего малодушия, теперь, как уж решился идти на этот ненужный стыд! Просто от низости и бездарности моей решаюсь, да разве еще из выгоды, как предлагал этот... Порфирий! — Брат, брат, что ты это говоришь! Но ведь ты кровь пролил! — в отчаянии вскричала Дуня. — Которую все проливают, — подхватил он чуть не в исступлении, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества». От имени своего нового бесовского катехизиса он провозглашает себе прощение. Себе — тому, который идет на смену Богу,

который сметает на своем пути и старух, и матерей, и церкви, и царей; от его имени льется кровь, как при обыденном занятии, льется кровь клопов, комаров и прочих насекомых. Надо только приравнять людей к этим насекомым, и все будет в порядке, никаких угрызений совести. Тогда там, в Америке, правильнее сказать, в аду, в том погребе, который есть преступление, в capitoлии сатаны тебя назовут благодетелем рода человеческого. «Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости... Этою глупостью я хотел только поставить себя в независимое положение, первый шаг сделать, достичь средств, и там бы все загладилось неизмеримою, сравнительно, пользой... Но я, я и первого шага не выдержал, потому что я — подлец! Вот в чем все и дело! И все-таки вашим взглядом не стану смотреть: если бы мне удалось, то меня бы увенчали, а теперь в капкан».

В одном из сочинений святителя Георгия Кониского, архиепископа Белорусского, есть небольшой абзац: «Важны ли добрые дела в деле спасения? Я объясню тебе вопрос сей подобием. Возьми небольшой кусок меди и понеси его на торжище; там за него ты ничего не купишь: всякий с насмешкой скажет тебе известную пословицу: Приложи копейку, то купишь калач. Но ежели тот самый металл будет иметь изображение Государя твоего или другой знак его монеты, то купишь за него, что тебе надобно. Так точно и дела наши. Ежели ты не имеешь веры и упования на Христа Спасителя, не сомневайся признать, что они суетны. Но те самые дела совокупи с верою и упованием на Него, тогда они будут важны; и если тебе потребно откупиться от грехов или купить небесные вечные утехы — купишь ими, несомненно»¹⁴. Чьим изображением метит свои монеты Раскольников? Уже Порфирию Петровичу ясно, что не именем Божиим. Он стремится стать независимым, но от кого? Стал независимым от ангелов, но поставил себя в зависимость от бесов. Он хотел сделать только один шаг, а бесы помогли сделать три, ибо вместе со старухой он убил Лизавету и чадо ее во чреве. Он ругает себя

подлецом, но ругает свою натуру, которая еще жива была молитвой, общением с Богом, существовавшим с детства. Он говорит о пользе, как часто и его современники, тот же Чернышевский, а кто может измерить эту пользу?

Польза, которая губительна для натуры человеческой, которая стоит вне нравственных идеалов, вне христианских ценностей, остается только пустой декларацией, ложным посулом, которым так богат сатана. И Дуня чувствует фальшивые ноты его декларации: «Но ведь это не то, совсем не то! Брат, что ты это говоришь? — А, не та форма, не так эстетически хорошая форма! Ну, я решительно не понимаю, почему лупить в людей бомбами, правильной осадой, более почтенная форма? Боязнь эстетики есть первый признак бессилия!.. Никогда, никогда яснее не сознавал я этого, как теперь, и более чем когда-нибудь не понимаю моего преступления! Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!..».

Снова Раскольников чувствует себя «на коне», даже краска заливает его бледное, изнуренное лицо. Но не долгим было его величие. Где-то подсознательно он чувствует, что в его словах таится ложь. «Проговаривая последнее восклицание, он нечаянно встретился взглядом с глазами Дуни, и столько муки за себя встретил он в этом взгляде, что невольно опомнился. Он почувствовал, что все-таки сделал несчастными этих двух бедных женщин. Все-таки он же причиной...».

При этом признании приходит мысль, что если бы каждого нынешнего оратора поставить один на один перед аудиторией людей, которых он сделал несчастными, и ораторы смогли бы, оторвавшись от своих заранее написанных бумажек, взглянуть в их глаза, многих, наверное, несчастий помог бы избежать этого контакта с аудиторией.

Но чтобы этого не происходило, специально для удаления от аудитории, для моновещания, созданы радио, телевидение, кино, где нет обратной связи.

Этого признания Раскольникова ждали от него многие. К этому призывал его и Порфирий. Действительно, преступник обычно убивает не столько свою жертву, а, в первую очередь, своих близких. «Дуня, милая! Если я виновен, прости меня (хоть меня и нельзя простить, если я виновен). ... Не плачь обо мне: я постараюсь быть мужественным и честным, всю жизнь, хоть я и убийца. Может быть, ты услышишь когда-нибудь мое имя. Я не осрамлю вас, увидишь; я еще докажу... теперь покамест до свидания, — поспешил он заключить, опять заметив какое-то странное выражение в глазах Дуни при последних словах и обещаниях его». Впервые за все время Раскольников признает и называет себя убийцей. Можно представить себе, какую внутреннюю борьбу пришлось ему пережить, а тем более то, что пережили его близкие. Заканчивая разговор с Дуней, Раскольников подошел к столу, взял одну толстую запыленную книгу, развернул ее и вынул заложенный между листами маленький портретик акварелью на слоновой кости. В последнюю минуту он все-таки вспоминает о своей первой возлюбленной. Возвращаясь к предыдущему повествованию, хочется напомнить слова его признания своим близким: «Я влюблен был, и жениться хотел... Она больная такая девочка была, совсем хвора; нищим любила подавать и о монастыре все мечтала, и раз залилась слезами, когда мне об этом стала говорить... Право не знаю, за что я тогда к ней привязался, кажется за то, что всегда больная была... Будь она еще хромая, аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее любил... Так... какой-то бред весенний был, он задумчиво улыбнулся. Ты и теперь ее любишь, — проговорила растроганная Пульхерия Александровна. — Ее-то?.. Нет. Это все теперь точно на том свете... И так давно».

По этим словам Раскольникова можно судить, что любовь его все-таки сохраняется, а его действиями при прощании с Дуней это еще раз подтверждается. Обычно при потере столь близкого человека влюбленный переживает очень тяжелый удар, и часто следствием этого является его озлобленность на весь мир... Может быть, в горячей молитве Раскольников

обращался к Богу, прося, чтобы Наташа выздоровела и была бы с ним до конца его жизни. Однако молитва его была почему-то удержана. Возможно, именно тогда появилось в нем каиново желание отомстить за это молчание небес. Может быть, тогда он потерял те остатки веры, которые у него еще были. Искушения Иова ему оказались не по плечу. Хочется обратиться к одной исторической аналогии. За тридцать пять лет до описываемых в романе событий Санкт-Петербург был потрясен восстанием декабристов. Одним из участников того выступления был Петр Григорьевич Каховский — декабрист-террорист¹⁵. Основываясь на его показаниях Следственному Комитету можно провести некоторые аналогии причин, приведших его к преступлению. С детства Каховский изучал историю древних греков и римлян, был воспламенен подвигами героев древности, часто пребывал в уединении, предавался наблюдениям и много читал. Раскольников, по видимому, проходил через такой же романтический период. По крайней мере, один из древнегреческих законодателей, Ликург, был упомянут среди тех людей, которых он почитал наряду с Магометом и Наполеоном. И еще важное сходство: некоторые современники утверждали, что Каховский стал злоумышленником из-за безответного чувства к некоей роковой женщине. Как оказалось, согласно архивным свидетельствам, он полюбил Софью Михайловну Салтыкову и она приняла его предложение, но родственники ее сочли небогатого и незнатного жениха недостойной партией. Каховский мучительно переживал отказ, замкнулся в себе, пытался уехать в Грецию, чтобы участвовать в борьбе за освобождение от турецкого ига (а скорее всего — смерти искать). Товарищи вспоминали Каховского как «обрекшего самого себя на жертву» — так как он вызвался на цареубийство. Во всяком случае, личная драма в молодости многих людей приводила к неординарным решениям, легко делала их террористами или убийцами.

Для нас важно, что во время последней встречи с Дуней сердце Раскольникова выходит из состояния окаменелости. Он проявляет заботу о матери, вспоминает свою старую возлюбленную. Он очень тяжело

переживает ожидаемое будущее: «Главное, главное в том, что все теперь пойдет по-новому, переломится надвое, — вскричал он вдруг, опять возвращаясь к тоске своей, — все, все, а приготовлен ли я к тому? Хочу ли я этого сам? Это, говорят, для моего испытания нужно! К чему, к чему все эти бессмысленные испытания? К чему они, лучше ли я буду сознавать тогда, раздавленный муками, идиотством, в старческом бессилии после двадцатилетней каторги, чем теперь сознаю, и к чему мне тогда и жить? О, я знал, что я подлец, когда сегодня, на рассвете, стоял над Невой!»

Раскольников стоял над Невой, наверное, в тот же час, когда Свидригайлов нажимал на курок своего револьвера. Один думал, стоя над водной бездной, а другой в нее бросился безоглядно. Так закончилось их совместное хождение по мытарствам во тьме. Расставаясь с Дуней и уже поворачивая за угол, он обернулся, и, встретившись с ней взглядом, нетерпеливо, с досадой махнул рукой, чтобы она ушла. Жесты рукой. Они значимы по ходу повествования. Пройдет мгновение, и Раскольников будет себя укорять за этот жест: «Но зачем же они сами меня так любят, если я не стою того? О, если б я был один, и никто не любил меня, и сам бы я никого никогда не любил! Не было бы всего этого!» В этом мечтании Раскольников напоминает демона Лермонтова, с горной высоты взирающего на мир и не способного согреть свое сердце любовью ни к кому, и ни от кого, не могущего этой любви получить. Не это ли чувство «на аршине пространства» привело Свидригайлова к его безобразному концу.

Раскольников все еще никак не может поверить, что пятнадцать-двадцать лет каторги приведут его душу к смирению, и он будет с благоговением «хныкать» перед людьми, называя себя ко всякому слову «разбойником». В столь любимой на Руси песне о том, как «жило двенадцать разбойников», соловецкий старец Питирим рассказывает об очищающем и благодатном действе, которое он называет: «совесть Господь пробудил». Раскольникову очень трудно прийти к этому обновлению и преодолеть, в первую очередь, свою ненависть к людям. Он все глубже и глубже

задумывается о том, каким же это процессом может так произойти, что он перед всеми уже без рассуждения смирится, убеждением смирится. Ему все кажется, что к этому приведет его многолетний непрерывный гнет — и добьет его окончательно. Глава заканчивается словами: «Вода камень точит». Действие покаяния способно снять с человека любой гнет. Придет день и час, когда Раскольников все это испытает на себе, но ему не потребуется для этого многих лет. Это придет к нему сразу, через таинственное действо любви, преображающее наше существо и возвращающее от окаменелости к обновлению живого сердца. Отвращение от бездны дается Раскольникову очень трудно. Слишком много он уже заплатил на этом пути и ропщет: «Я иду теперь, когда сам знаю, что все это будет именно так, как по книге, а не иначе». «Сто раз он это себе повторял, но все-таки шел». Какую книгу имеет в виду Раскольников? Мы думаем, что Евангелие. Первые признаки прорастания зерна духовного он все-таки в себе почувствовал. Постепенно, день за днем, он будет все чаще и отчетливее ощущать удары своего обновляемого сердца, пока не почувствует, как воскресший четверодневный Лазарь, свое окончательное возвращение от мерзости тления к Жизни. Силы зла имеют еще огромное влияние на его душу. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Трудно будет зарастать та пропасть отчуждения, которая образовалась между ним и всеми людьми. Тема отчуждения очень актуальна в наши дни, когда человечество и каждый человек на путях чрезмерной индивидуализации теряет связь не только с людьми, но и с реальностью. Достоевский это предвидел. Не раз отмечает он в поведении Раскольникова странное разделение в восприятии реального мира. Сама его фамилия подчеркивает этот раскол. Сейчас, когда компьютеризация приобрела такие широкие масштабы, появилась и проблема виртуальной реальности, почти полного, тотального самоустранения человека из жизненной реальности, практически духовно-эмоционального самоубийства.

Дуня была утешена тем, что брат ее будет не один: «К ней, к Соне, к первой пришел он со своей исповедью; в ней искал он человека, когда ему понадобился человек; она же и пойдет за ним, куда пошлет судьба».

У Раскольникова, которого какие-то могущественные силы толкали к безысходному одиночеству, сохранилась тяга к человеку, и счастье его было в том, что на его пути оказалась Соня. Дуня «смотрела на Соню даже с каким-то благоговением и сначала почти смущала ее этим благоговейным чувством, с которым к ней относилась. Соня готова была даже чуть не заплакать: она, напротив, считала себя недостойною даже взглянуть на Дуню. Прекрасный образ Дуни навеки остался в душе ее, как одно из самых прекрасных и недостижимых видений в ее жизни». В сопровождении таких удивительных женщин, как под сенью двух крыл, Раскольникову удастся избежать той бездны, в которую его влекли силы гибели.

Когда они расстались, то Соня начала страшиться того, что он покончит самоубийством... Она знала к тому же его тщеславие, заносчивость, самолюбие и неверие. «Неужели же одно только малодушие и боязнь смерти могут заставить его жить? — подумала она в отчаянии. Она пристально смотрела в окно, «но в окно это была видна только одна капитальная небеленая стена соседнего дома». Стена гробницы, в которой запечатана, подобно Лазарю, душа Раскольникова. Какими силами падет эта гробница и душа обретет свою свободу? Именно в тот момент, когда она уже была уверена в его смерти, он вошел в ее комнату. «Ну да! — сказал, усмехаясь, Раскольников, — я за твоими крестами, Соня. Сама же ты меня на перекресток посылала; что ж теперь, как дошло до дела, и струсила? ... Странен показался ей этот тон; холодная дрожь прошла было по ее телу, но чрез минуту она догадалась, что и тон, и слова эти — все было напускное. Он и говорил-то с нею, глядя как-то в угол и точно избегая заглянуть ей прямо в лицо». Постепенно Соня начинает привыкать к его «шуточкам», она понимает, как ему трудно выходить из тени. «Меня только, знаешь, что злит? Мне досадно, что все эти глупые, зверские хари обступят меня сейчас, будут

пялить прямо на меня свои буркалы, задавать мне свои глупые вопросы, на которые надобно отвечать, — будут указывать пальцами ... Слишком уж я желчен стал в последнее время. Веришь ли: я сейчас погрозил сестре, чуть ли не кулаком, за то только, что она обернулась в последний раз взглянуть на меня... До чего я дошел. Ну, что же, где кресты?»

Он был как сам не свой: не мог устоять одной минуты, сосредоточить внимание на одном предмете, мысли его скакали, руки слегка дрожали. Соня достала ему два креста, кипарисный и медный, перекрестилась сама, перекрестила его и надела ему на грудь кипарисный крестик. «Это, значит, символ того, что крест беру на себя, хе-хе! И точно, я до сих пор мало страдал! Кипарисный, то есть простонародный; медный — это Лизаветин, себе берешь, — покажи-ка? Так на ней он был... в ту минуту? Я знаю тоже подобные два креста, серебряный и образок. Я их сбросил тогда старушонке на грудь. Вот бы те, кстати, теперь, право, те бы мне и надеть... А впрочем, вру я все, о деле забуду; рассеян я как-то!». «Возьмите иго Мое на себя и Аз упокою вы» — древо Животворящего Креста даровано человечеству как оружие в трудной борьбе с окружающим видимым и невидимым злом. Водружая на себя крест, Раскольников заканчивает путь блужданий, но вступает в сражение, которое продлится теперь всю жизнь.

«А впрочем, вру я все, о деле забуду; рассеян я как-то! Ну, вот я буду сидеть в тюрьме, и сбудется твое желание... плачешь? Полно! О, как мне все это тяжело!» Тяжел крест для ношения человеку, но другого выхода нет. Быть человеком трудно, но другого выбора нет.

«Чувство, однако же, родилось в нем; сердце его сжалось, на нее глядя. — Эта-то чего? Я-то что ей? Чего она плачет, чего собирает меня, как мать или Дуня? Нянька будет моя!». Действительно, Соня станет его нянькой, будет оберегать его истерзанную душу, вроде крестной матери.

«Перекрестись, помолись хоть раз, — дрожащим, робким голосом попросила Соня. — О, изволь, это сколько тебе угодно. И от чистого сердца, Соня, от чистого сердца...». Раскольников все еще пытается ерничать,

сохранить маску, под которой, на самом деле, таится что-то очень важное, очень серьезное. Время-то какое короткое осталось, может быть, Соню видит в последний раз. Он только чувствовал, что приходил он к Соне не зря: любил ли он ее или нет, но она ему была нужна, от нее он как будто согревался перед началом своего будущего испытания. Нужно было сказать ей что-то другое. Он выходит от Сони один. «И к чему тут целая свита! — бормотал он, выходя». Он даже не простился с ней, он уже забыл о ней; одно язвительное бунтующее сомнение вскипело в душе его. «Нищий я, ничтожный я, подлец!» Быть может, выходя из тени мытарств, он начинает нащупывать смысл заповедей, дарованных нам Господом: блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное. Трудно вступать в узкие врата, «но все-таки шел». Вела его уже другая сила, шел под водительством ангела. Выйдя от Сони, он пошел по набережной канавы, и недалеко ему оставалось до конторы. Но, дойдя до моста, он приостановился и вдруг повернул на мост. Последний раз в романе Раскольников выходит на мост. В этой части канава постепенно спрямляется по направлению к Невскому проспекту до Мойки, делая редкие извивы. Последний ее извив близ Казанского собора, собора в честь Божией Матери, Одигитрии, что значит — Путеводительница. Собор Той, которую в церковных песнопениях уподобляют мосту, возводящему от земли на Небо. Как часто менял он свои маршруты на канаве, как часто шел не туда, куда хотел. Но теперь он пошел туда... на Сенную. В этой сцене мы видим, как что-то меняется не только в нем самом, но и в окружающем его мире. Как часто человек, выходя из тьмы на свет, на солнце на некоторое время слепнет, как бы на ощупь, продолжая движение. Вот и сейчас Раскольников жадно всматривается направо и налево, всматривается с напряжением в каждый предмет и ни на чем не может сосредоточить внимание; все ускользает... Он все еще не может увидеть на площади Спасо-Успенскую церковь — доминанту площади. Он все еще сбивается на какие-то второстепенные предметы. Все чего-то ищет на ощупь. Натолкнулся на нищую, не смог отказать ей, нашарил в кармане последний

пятак и отдал ей, а в ответ услышал как благословение: «Сохрани тебя Бог!» Он вышел на Сенную, вышел на площадь. Площадь обычно имеет форму круга, а круг есть прообраз вечности. Трудно, но он проталкивается среди народа, трудно идти, потому что он бы дал все на свете, чтобы остаться одному, но сам чувствовал, что ни одной минуты не пробудет один. Он чувствовал, как внутри него постепенно нарастала сила, как в той притче о зерне, упавшем в землю. Он чувствовал, что здесь в нем росток спасительный должен выйти наружу. Когда он дошел до середины площади, с ним вдруг произошло одно движение, одно ощущение овладело им сразу, захватило его всего — с телом и мыслью. Он вспомнил слова Сони: «Пойди на перекресток». И от безысходности, тоски и тревоги всего этого последнего времени он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. «Каким-то припадком к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю... Он встал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз».

Растаяла, наконец, та льдина, которая держала в холоде его сердце, как в сказке Андерсена — сердце бедного Кая. Растаяла для того, чтобы выпустить на свободу его настоящее чувство. Он целует с наслаждением и счастьем ту самую грязную землю, на которую ради нас сошел Господь Спаситель с высоты Небес. И можно ли ее не любить?! Недаром из толпы он слышит слова: «Это он в Иерусалим идет, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает». Второй раз мы уже слышим в романе упоминание Святого Города. Только сейчас мы его воспринимаем уже в контексте христианском, в контексте покаянной работы, которая идет скрыто и тайно в душе героя. Мы видим, как вокруг, вместе с его внутренним перерождением, те же предметы получают новое содержание. Но так было со времен творения мира. Адам — царь всего видимого мира, каков он — таков и окружающий

его мир. Грехопадение низринуло его с высоты царственного величия — обновленный Адам дает и окружающему его миру новое значение. Так и перед глазами Раскольникова уже нет старой Сенной, а появилось новое очертание ее, связанное с вечностью. Каждый из нас скрыто и таинственно несет в себе эту устремленность. Так и Раскольников, несмотря на все окружающие крики, спокойно вынес это и, не озираясь, пошел прямо через переулок, к конторе. Ему пока не хватило силы сказать людям: «Я убил», — но этот час уже близок. Где-то в толпе — он почувствовал и понял — где-то рядом находится Соня, и она теперь с ним навеки и пойдет за ним хоть на край света, куда бы ему ни вышла судьба. «Все сердце его перевернулось».

Мы уже не раз отмечали особое восприятие времени у Достоевского, и здесь, во дворе конторы, Раскольников ощущает, «что до роковой минуты еще далеко, еще много времени остается, о. многом еще можно передумать». Время имеет свою особую протяженность и в зависимости от наших ощущений способно сжиматься или растягиваться. Нужно еще сделать несколько шагов, перевести дух, чтобы оправиться и войти человеком. В монологе Мармеладова при первой встрече в трактире мы слышим слова «Се человек!» — цитату из Евангелия от Иоанна, относящуюся к моменту страданий Господа, пребывающего в претории у Пилата Понтийского. Вот и здесь, на пороге нашей Российской претории, стоит человек. И дальше сам Раскольников в своем сознании продолжает цитировать Вечную Книгу: «А для чего? — Если уж надо выпить эту чашу, то не все ли равно... Пить, так пить все разом...». Наконец он входит в контору. Казалось бы, целая жизнь ушла у него на этот путь, и перед ним... Илья Петрович Порох. При этой встрече сконфуженный Илья Петрович ведет себя нелепо и говорит слова в высшей степени неуместные. Раскольникова, пришедшего сделать признание, он принимает как литератора и даже ученого, говорит о каких-то оригинальных шагах — все не к месту, расточает похвалы, пытаясь оправдать тот казус, который при первой их встрече привел Раскольникова к обмороку. В момент, когда для Раскольникова все, казалось бы, кончено, так

нелепо звучат слова Пороха: «Ваша карьера — ученая часть, и вас уже не собьют неудачи! Вам все эти красоты жизни, можно сказать, — ничто, аскет, монах, отшельник!.. Для вас книга, перо за ухом, ученые исследования — вот где парит ваш дух». Знал бы этот конторский, с чем в руках ходил этот отшельник на исследования — не с пером, а с топором. Порох, тем не менее, дает правильную характеристику самому времени. Действительно, много развелось в столице, и во всей России, нигилистов. Но пока он делится всем этим с Раскольниковым, он не понимает, что перед ним стоит нигилист наирадикальнейший. Когда же он начинает повторять штампы печати своего времени о чувстве гражданина и человека, чувстве гуманности и любви ко Всевышнему, он становится совсем смешон. Совсем еще недавно эти слова в насмешку в лицо Раскольникову говорил Свидригайлов, зная о совершенном им преступлении. Как часто люди пытаются за расхожими штампами и мнениями скрыть свои истинные намерения и поступки. «Отношусь к вам, как к человеку, облагороженному образованием». Порох как полицейский первый понял или почувствовал в Раскольникове преступника и в той первой «мышеловке» сразу правильно оценил обморок, случившийся в момент сообщения об убийстве процентщицы. Но, как часто в России, мало оказывается одной профессиональной пригодности, ее приходится еще подтверждать какой-то расхожей фразеологией и болтовней, которая сбивает знатока своего дела с толку. Здесь еще раз приходится вспомнить слова язвительного Свидригайлова: «Наиболее счастлив тот, кто лучше сумеет себя самого обмануть».

Порох констатирует, что в столице распространилось, как эпидемия, множество самоубийств: «Все это проживает последние деньги и убивает самого себя. Девчонки, мальчишки, старцы... Вот сообщили... что на Петербургской стороне застрелился Свидригайлов». Раскольников вздрогнул: «Свидригайлов застрелился! — вскричал он». В такой критический момент, когда до признания Раскольникова оставалось одно мгновение, из небытия предстал перед ним с ехидной улыбкой Свидригайлов

— союзник его по мытарствам во тьме. Он пришел как будто для того, чтобы совратить Раскольникова с пути покаяния и затянуть его во тьму, из которой сам уже не выйдет никогда.

Решимость Раскольникова совершить признание стремительно сокращалась. «Раскольников чувствовал, что на него как бы что-то упало и его придавило». Это как будто плита гробовая, только что приподнявшаяся, чтобы высвободить измученную душу Раскольникова, вновь упала и перекрыла ему путь. Душа «летучего голландца» задела Раскольникова за живое. Когда уходит человек — это всегда потеря, которую мы чувствуем, как потерю части себя. Но тем более тяжело знать, что человек ушел так безобразно и беспросветно.

Раскольников побледнел, Порох сказал: «У нас здесь такой спертый воздух». При таких вестях и о таких людях словно спертый воздух самой преисподней проникает в контору. Раскольников, не в состоянии перебороть своих чувств, спешно попрощавшись, уходит из конторы. «Он вышел; он качался. Голова его кружилась. Он не чувствовал, стоит ли он на ногах. ... Какая-то собачонка заливалась — лаяла где-то в нижнем этаже...». За несколько шагов до злополучной каланчи Свидригайлов встречается с какой-то паршивой собачонкой, перебежавшей ему дорогу. Мы уже поясняли, что может значить этот образ, и малодушное бегство Раскольникова из конторы тоже сопровождается, собачим лаем, как бы сближая судьбы этих фатально связанных друг с другом людей. Раскольников спустился вниз и вышел во двор. Тут-то, недалеко от входа, стояла бледная, вся помертвевшая Соня и дико на него посмотрела. Он остановился перед нею.

Что было бы с Раскольниковым, если бы там не оказалось Сони? «Что-то болезненное и измученное выразилось в лице ее, что-то отчаянное. Она всплеснула руками». Это всплескивание руками, жест невольного осуждения, мы уже упоминали выше, когда Раскольников сделал Соне признание в убийстве. «Безобразная, потерянная улыбка выдавилась на его устах. Он постоял, усмехнулся и поворотил наверх, опять в контору». Опять у писателя

дается это описание улыбки Раскольникова, которая была словно выдавливание таившегося в нем змея, вечного соблазнителя рода человеческого. Создается впечатление, что герой неоднократным приступом (вверх по лестнице) пытается взять контору штурмом. Трудно дается победа над самим собой, особенно сокрушение твердыни гордости. Как в беспамятстве, с побледневшими губами и неподвижным взглядом, он подходит к столу Пороха и не находит в себе даже сил на членораздельные звуки; но вот он преодолевает себя и делает признание: «Это я... Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором, и ограбил».

Пала твердыня. На третьем этаже петербургской полицейской конторы закончился признанием страшный эксперимент, произведенный Раскольниковым над собой. Здесь заканчивается детективная фабула, но не заканчивается духовное содержание романа. И, словно чувствуя это, писатель в эпилоге подводит итог духовной работы Раскольникова на путях воскресения. Воскресения к жизни и Жизни Вечной.

Тюрьма, в которой заключен Раскольников, имеет вид спирали: город, в городе крепость, в крепости острог, в остроге где-то в камере заключен «ссыльно-каторжные второго разряда Родион Раскольников». Тогда еще не было принято нумеровать заключенных.

Здесь, в этих кругах ада, в цепях и узах было тело Раскольникова, но не душа его. Судопроизводство по делу прошло без больших затруднений. Раскольников на суде вел себя твердо, не запутывал обстоятельств, не смягчал их в свою пользу, не искажал фактов, не забывал малейших подробностей. Приговор оказался мягче, чем можно было ожидать. В ходе судебного разбирательства выяснились различные обстоятельства из жизни Раскольникова. Этот гордый и, казалось бы, эгоистический человек оказался способным на бескорыстную помощь своему больному и обреченному товарищу по учению и почти полтора года содержал его, а потом ухаживал за его больным отцом до смерти последнего. Кроме того, хозяйка квартиры Раскольникова, вдова Зарницына, рассказала о его подвиге спасения двух

детей от пожара. Все это существенно дополняет образ героя и соответствует нашему представлению о нем как о человеке неординарном. Восемь лет предстояло ему провести в каторжных работах. Цифра восемь по христианским представлениям соответствует новому дню — дню всеобщего спасения. Но для этого Раскольникову придется пройти долгий путь очищения и покаяния.

Дуня и Разумихин поженились. В Разумихине явилась железная воля, он решил кончить курс в университете и вместе с Дуней они твердо решили, что через пять лет переселятся в Сибирь, туда, где будет Раскольников.

Разумихин — один из положительных героев романа. Многими своими качествами он как бы оттеняет главного героя. Это горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный, как богатырь, человек. Основу его характера составляет деятельное начало, в том числе — деятельная любовь. Именно поэтому он так насмешливо относится к перинному счастью, переадресуя его своему другу Зосимову, по существу сватая ему вдову Зарницыну. В своем споре с Лужиным он говорит о деловитости с явным удовольствием и пониманием этой скромной добродетели, и бедствия современности он объясняет отсутствием деловитости: все стремятся разбогатеть поскорей, на даровщинку, без труда! На всем готовом жить привыкли, на чужих помочах ходить. Но, как у всех людей, были и у него свои недостатки и свои грехи: вино, «а также такие делишки... не то чтоб уж бесчестные, ну да, однако ж! А какие помышления-то бывали!» Любовь к Авдотье Романовне, конечно, преображает Разумихина, на благодатной почве взаимного чувства расцветут его лучшие качества. Многие размышления Разумихина, наверно, очень близки самому автору. В них виден трезвый, четкий разум, практическая сметка. По многим своим качествам он — противоположность Раскольникову. Это Разумихин отмечает, что в характере Раскольникова как бы два противоположных человека, поочередно сменяющихся. Он видит его великодушие и доброту, но одновременно — его холодность, бесчувственность, жестокость, окаменелость сердечную. Во время размолвки

он бросает Раскольникову: «Вам бы одно только — не человеком быть». Он подозревает надуманность идей Раскольникова. Но он верный друг Раскольникова в предстоящих испытаниях.

Последние страницы романа словно возвращают нас к панораме, которую видел Раскольников с Николаевского моста. «Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода, и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила». Только с Николаевского моста открывалась великолепная картина цивилизации, столичная панорама, которая не достигала до его сердца. Глухо и пусто было у него на душе от той картины.*

Его мучает тоска об утраченном рае и тревога перед нашествием антихриста (сон Раскольникова о трихинах). В этот-то момент рядом с ним оказывается Соня. «Теперь их руки не разнимались. ... Они были одни, их никто не видел».

* Вера у Достоевского ассоциируется с пространством и всеобъемлющим чувством (Алёша Карамазов, упавший на землю). Здесь же другой воздух, чистая, девственная красота природы, естественная высота берега — все обращено к живому чувству, которое таится в глубине души каждого человека — к воспоминанию об утраченном рае, золотом веке, где царит простота, чистота, вера и любовь.

Современник Достоевского философ Владимир Соловьев написал несколько писем, объединенных темой любви, в них он очень точно показывает, что источник настоящей любви восходит к нашему пребыванию в раю, к нашим прародителям Адаму и Еве. И каждая такая пара — это праведники, с которых может начать обновляться наша земля (те, которых никто не видит во сне Раскольникова).

Роман обычно — это повествование о любви, но герои Достоевского шли к любви так долго, что о ней пришлось ему сказать только несколько слов в конце эпилога.

«Вечером того же дня ... ему даже показалось, что все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково. ... Но ведь так и должно было быть: разве не должно теперь все измениться?». Мы уже говорили, что внутреннее состояние героя влияет на окружающий мир, так и здесь, на каторге, мир меняется вокруг Раскольникова, обретшего истинное чувство любви, чувства, которое восстановило его связь с людьми. Так и от нового Адама мы ждем преображения всего мира, которое произойдет со вторым пришествием.

«Под подушкой его лежало Евангелие. ... Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря. В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия. Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она, молча, принесла ему книгу. До сих пор он ее и не раскрывал».

Раскольников узнал Евангелие не столько от чтения, сколько от сердца: Сонино сердце, в котором жила истинная вера, передало ему знание, обнажив эту веру перед ним, с риском вызвав на бой те силы, которые владели им тогда. Баптисты навязывают свою проповедь всем без разбора. Соня же сеятель терпеливый, труженик, ожидающий прозябания семени, брошенного

в неблагоприятную почву. Молчаливым трудом своим: молитвой и слезами, своим страданием она сумела растопить камень. «Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: — Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...».

С именем Софьи православное сознание чтит имена ее дочерей: Веры, Надежды, Любви. Как часто мы в наши дни видим, что инициативу в вере берет на себя женщина, и как в последние лихолетья XX века на своих слабеньких плечах женщины несли все тяготы церковной жизни, сохраняя веру во тьме оголтелого безбожия.

Соня была счастлива настолько, «что почти испугалась своего счастья. Семь лет, только семь лет! В начале своего счастья, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней». Мы уже отмечали выше, что у Достоевского особое отношение ко времени, время может раздвигаться в пространстве, может сужаться от семи лет до семи дней, ибо и время как явление внешнего мира подчинялось некогда Адаму, как оно подчинялось и праведникам, которые удерживали Солнце от захода, пока не завершена была праведная битва.

«Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достанется, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим будущим подвигом...». Действительно, мы искуплены дорогой ценою, ценою жизни и кровью Спасителя нашего, и искупление — это следование за Ним. Раскольникову нужно пройти тот же крестный путь; когда-то он взял у Сони деревянный нательный крест, частичку Древа Господня, которое понес за нас Господь наш Иисус Христос. Писатель на этом заканчивает свое повествование, ибо за рамками романа «начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью». Но это уже тема другого рассказа.

Завершено в день памяти Св. Лазаря Четверодневного 2001 года

1. Как бороться с помыслами. Сб. изложений св. отцов Православной церкви. М., 2001. С. 17.
2. Еще один пример причудливого сочетания двух миров: реального и нереального, видимого и невидимого в восприятии героя. О подобном сочетании заговорит и Свидригайлов в беседе с Раскольниковым.
3. Как бороться с помыслами. Сб. изложений св. отцов Православной церкви. М., 2001. С. 8.
4. Когда душа искусственно опустошена — чаще всего это следствие безбожного воспитания или влияния, — то для поддержания существования требуются «толчки», допинги разного рода. Это серьезная современная проблема.
5. Что-то очень напоминает эта речь и обстоятельства? У Пушкина — зимняя канавка, здесь — летняя; там и здесь умерщвленная старуха, а он разговаривает с ней, как с живой. Реальное путается с реальным...
6. Как тешат бесы Фауста в аду:
«Где же мост? — Какой тут мост,
На вот — сядь ко мне на хвост...»
- А.С. Пушкин. Из набросков к так называемому «Замыслу о Фаусте». Цит. по: И.Ю. Юрьева. Пушкин и христианство. М., 1998. С. 241.
7. Пророчества схиархимандрита Лаврентия (Проскура), черниговского Троицкого монастыря сборник «Кодирование — подобие». Киев, 1998. С. 122 — 125.
8. Игнатий Брянчанинов. О Трезвении Троечастном души в молитве // Слово. Коломна. Ново-Голутвин монастырь, 1994. Слово 34.
9. Преемственность в движении души, устремленной от оазиса к комнате Сони как к Ноеву ковчегу.
10. Пророчества схиархимандрита Лаврентия (Проскура), черниговского Троицкого монастыря. Сборник «Кодирование — подобие». Киев, 1998. С. 122 — 125.

11. Характерно, что его антипод — Свидригайлов — называет Раскольникова шельмой, которая усовершенствуется в дальнейшем. «Уж очень себя умеет обмануть... а кто себя обманет, тому и лучше всех, тот и счастлив», — замечает Свидригайлов.
12. В этих словах — его предсказание гибели всей властной системы имперской России. Через пятьдесят лет она рухнет и с многими служителями ее будет покончено.
13. Оптиной пустыни иеромонах Никон (Беляев). Завещание духовным детям. Куйбышев, 1990. С. 8 — 9.
14. Собр. соч. архиепископа Белорусского Георгия Кониского. СПб., 1835. Цит. по: И.Ю. Юрьева. Пушкин и христианство. М., 1998. С. 222.
15. Не случайны размышления Разумихина: не политический ли преступник Раскольников и не вовлекает ли он в это и Дуню?